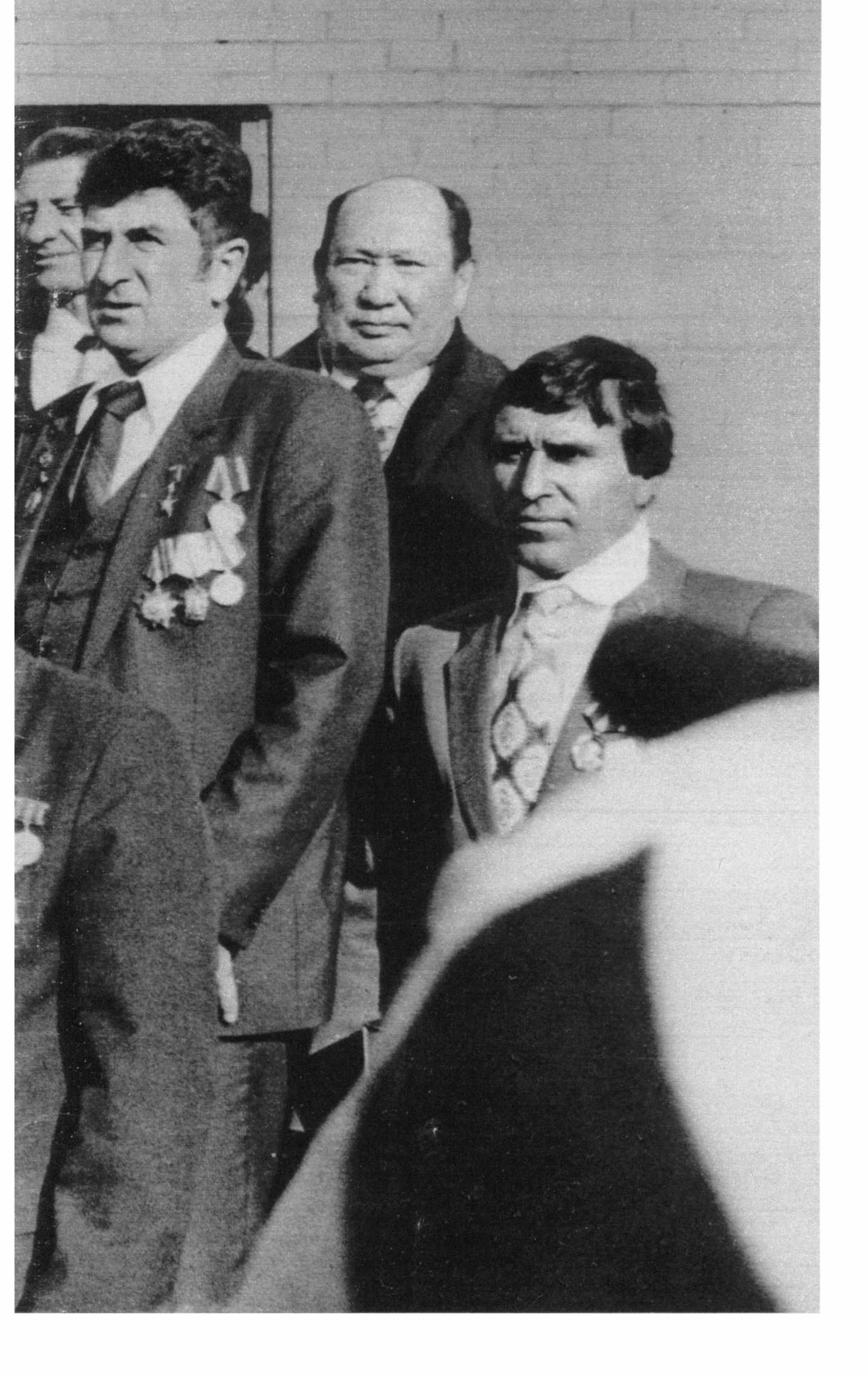

Последнее, золотое звено празднует БАМ —
проложена дорога в грядущий XXI век!
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1984

ИЗ МЕЧТЫ ПРИХОДЯ

СЛАВА ВЕЛИКОМУ ОКТЯБРЮ, ОТКРЫВШЕМУ НОВУЮ ЭПОХУ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА—ЭПОХУ ТОРЖЕСТВА СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА!

Из Призывов ЦК КПСС.

БАМ — это:

— 3500 километров — от Усть-Кута на Лене до Комсомольска-на-Амуре (вместе с линией Бамовская — Тында — Беркакит),

— около 4200 сооружений, в том числе почти 2000 мостов, 142 из них длиной свыше ста метров,

— 9 тоннелей — общей длиной более 30 километров,

— зона площадью почти в полтора миллиона квадратных километров, равная территории всех стран — членов Европейского экономического сообщества (ЕЭС), вместе взятых,

— почти четверть всех лесных ресурсов страны,

— БАМ проходит через три часовых пояса,

— БАМ пересекает 16 крупных и сотни мелких рек,

— на магистрали будет 55 станций,

— в 12-й пятилетке поезда здесь будут ходить в 100-километровом режиме.

Т ПОЕЗДА

Вот и наступил долгожданный день победы на БАМе! Прекрасный, солнечный день с легким морозцем. Красавица Тында встретила его праздничным убранством, радостными улыбками горожан, идущих колоннами с трудовыми знаменами и транспарантами на привокзальную площадь. Сюда же, к Тындинскому вокзалу, от Усть-Кута и Комсомольска-на-Амуре мчались два встречных поезда с почетными пассажирами. Словно из мечты выплыли они из бамовских далей прямо к перронам, где собрались те, кто десять лет назад пришел сюда в болота и мари.

Всего несколько дней шли к Тынде поезда. Считанных суток хватило им, чтобы преодолеть расстояние, по которому строители шли долгие десять лет.

На трибуну праздника почетным строителем поднялся Александр Иванов, водитель тяжелой машины автобазы треста Мостострой-10, предприятия, которое накануне праздника стало орденоносным. Десять лет назад начал Александр свой бамовский путь. Все эти годы возил он на могучем КрАЗе к местам сооружения мостов огромные пролетные строения, которые порой превышали 30-метровую длину и весили по семьдесят тонн. С самого начала работы на БАМе Александр Иванов решил «дойти», как бы тяжело ни было, на одной машине до «золотой» стыковки. Слово сдержал. В праздник его КрАЗ стал на пьедестал памяти трудового подвига водителей магистрали. И как бы ни старались зачистить на металле машины шрамы от крутых бамовских дорог, знающий глаз всегда увидит их на теле могучего тягача. Они на всю жизнь останутся и в памяти хозяина этого богатыря.

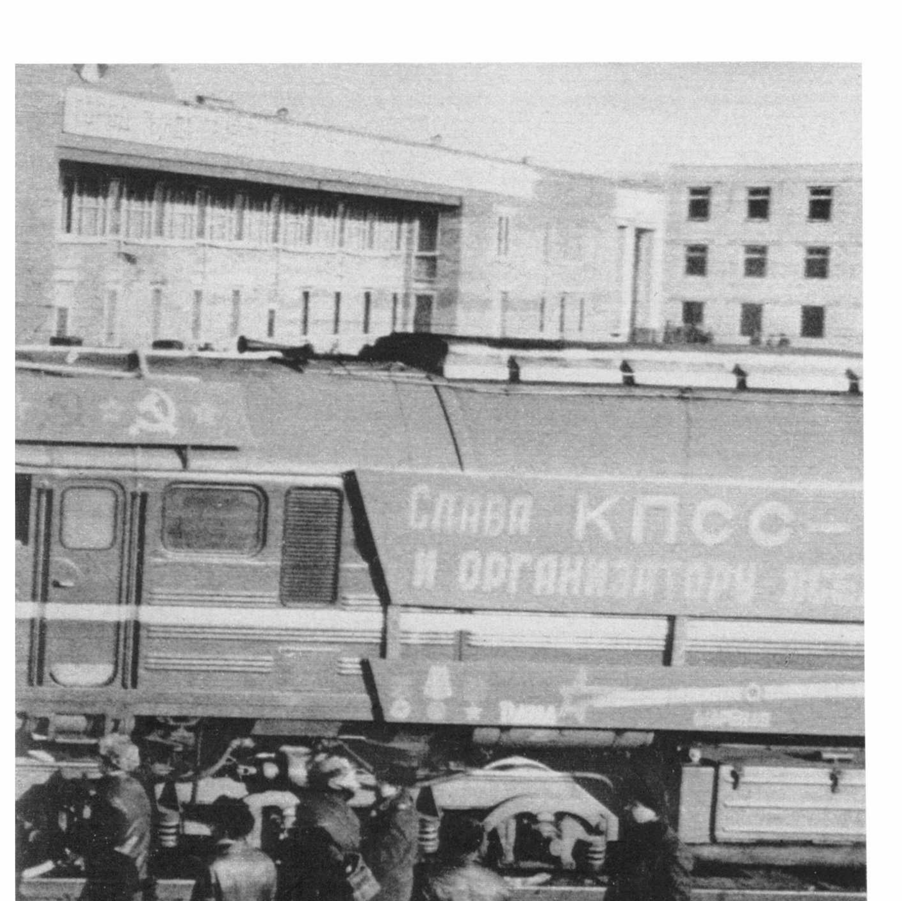
— Пройдут годы, будут меняться поколения, неузнаваемо преобразится и расцветет край, но вечной останется магистраль, и люди всегда будут благодарно помнить тех, кто был здесь первопроходцами, кто заложил этот фундамент дальнейшего развития Сибирского и Дальневосточного регионов,— сказал, выступая на митинге, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС В. И. Долгих, вручивший накануне митинга ордена Ленина и золотые медали «Серп и Молот» большой группе строителей магистрали.

Ликуют бамовцы. Победа!.. Вспоминаются слова, сказанные в вагоне праздничного поезда первым секретарем Тындинского горкома партии Ю. А. Есаулковым: «БАМ — это вдохновение рабочего класса, всей страны!»

...Разрезана красная ленточка, дан сигнал, и тепловозы салютуют гудом в честь славной победы строителей. С сегодняшнего дня 32-я железная дорога страны открыта для рабочего движения на всем своем протяжении! Но до полной победы предстоит еще немало поработать, чтобы сдать всю магистраль в постоянную эксплуатацию. Бамовцы к этому готовы.

В. КУЗНЕЦОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька».

Тында.

На снимках: звездный час магистрали — открыто сквозное движение! Только что лучшим из лучших вручены высшие награды Родины.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (2990)

3 НОЯБРЯ 1984

ВИЗИТ Ж. БАТМУНХА В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства 25—27 октября 1984 года в Советском Союзе с рабочим визитом находился Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Жамбын Батмунх.

В Кремле состоялись переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко с Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Совета Министров МНР Ж. Батмунхом.

В этот же день в Кремле состоялась встреча члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР Н. А. Тихонова и Генерального секретаря ЦК МНРП, Председателя Совета Министров МНР Ж. Батмунха.

На снимке: во время переговоров.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ ВЫСОКИХ НАГРАД МНР

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин, член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко удостоены высших наград Монгольской Народной Республики.

26 октября в Кремле ордена МНР вручил руководителям КПСС и Советского государства Генеральный секретарь ЦК МНРП, Председатель Совета Министров МНР Ж. Батмунх.

При вручении государственных наград МНР выступил тов. Ж. Батмунх.

От имени награжденных выступил тов. А. А. Громыко.

На снимке: во время вручения наград.

Фото В. Мусаэльяна, Э. Песова (ТАСС)

СЕССИЯ СЭВ В ГАВАНЕ

29 октября в столице Республики Куба — Гаване открылось XXXIX заседание сессии СЭВ.

В повестке дня — важные вопросы дальнейшего углубления сотрудничества братских государств содружества, осуществления конкретных мероприятий по реализации долговременных целей и основных направлений взаимодействия, коллективно выработанных Экономическим совещанием стран — членов СЭВ на высшем уровне в Москве.

На пленарном заседании началось обсуждение представленных докладов.

С речью на сессии выступил Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.

Телефото Э. Песова (ТАСС)

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД КОСМОНАВТАМ

31 октября в Кремле Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко вручил высшие награды страны космонавтам — героям самого длительного в истории космического полета.

За успешное осуществление длительного космического полета и проявленные при этом мужество и героизм Герой Советского Союза Леонид Денисович Кизим награжден орденом Ленина и второй медалью «Золотая Звезда». Владимиру Алексеевичу Соловьеву и Олегу Юрьевичу Атькову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Им также присвоено звание «Летчик-космонавт СССР».

В своей речи Константин Устинович Черненко сердечно поздравил героев космического «марафона» с высокими наградами Родины и пожелал им крепкого здоровья, счастья и новых успехов в их нелегком труде по освоению космоса во славу нашей Отчизны, во имя мира и прогресса на Земле.

На снимке: во время вручения наград.
Фото А. Гостева

СЛАВА ТРУДУ!

В самый канун 67-й годовщины Октября был опубликован Указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда участникам сооружения Байкало-Амурской магистрали. К славным именам бамовцев, удостоенных ранее этого высшего в нашей стране звания, венчающего трудовую доблесть, теперь добавились фамилии шестнадцати новых Героев. Все десять трудных и славных лет строительства магистрали века они служили для тысяч своих товарищей примером мастерства, высоких моральных и профессиональных качеств, умения организовать труд — свой, бригады, отдельного подразделения или всего огромного коллектива, имя которому БАМ.

Можно сказать, что во многих случаях они служили и примером мужества — мужества людей, идущих через непроходимую зимнюю тайгу в горах, прорубающих тоннели там, где на каждом шагу подстерегали коварные обвалы, подземные горячие ручьи и ледяная купель, мужества и энтузиазма монтеров пути, считавших рабочую смену буквально по секундам, мужества командиров производства, взявших на себя перед страной огромную ответственность за сроки и качество работы, за то, чтобы сделать из десятков тысяч приехавших в суровые края неумелых новичков и бывалых строителей единый коллектив.

В их подвиге словно саккумулирован трудовой подвиг десятков тысяч товарищей по работе, с которыми они делили трудные километры просек, притрассовых автодорог, ночевок в палатках первых десантов, радость при сдаче новых мостов, первых тоннелей, первого километра магистрали. И каждый этот «первый» — всегда досрочно! — вел к осуществлению общей мечты всех бамовцев — к стыковке, к заветному «золотому звену», к сквозному движению по второму Транссибу.

Во время поездок на БАМ мне приходилось встречаться почти со всеми Героями Социалистического Труда, отмеченными Указом, в том числе и с шестью бригадирами, удостоенными этого высокого звания. Невольно отмечал два доминирующих качества у этих асов своего дела — достоинство и скромность. Каждый из них, зная себе цену (здесь они стали кто депутатом Верховного Совета России, кто лауреатом премии Ленинского комсомола, кто заслуженным строителем), словно сговорившись, не просто просил, а требовал: «Не делайте из меня героя, пишите побольше о ребятах из моей бригады!»

Среди тех, кому вручены орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот» — начальник Главбамстроя Константин Владимирович Мохортов, один из самых признанных и уважаемых в Союзе руководителей транспортного строительства. О командирах подобного ранга както писать не принято. Человек обширных знаний и яркого организаторского таланта, он сумел подобрать талантливых командиров производства, таких, как управляющий трестом В. С. Белопол, начальник строительно-монтажного поезда А. П. Машуров, удостоенных ныне звания Героя Социалистического Труда. Помнятся его выступления на митингах и совещаниях, задушевные беседы в мостопоездах, в бригадах. Есть у Константина Владимировича любимая песня и в ней слова: «Так, значит, нам нужна одна победа — одна на всех...» Победа — одна на всех! — бамовцы ее завоевали.

Мы, огоньковцы, рады, что о многих из этих шестнадцати Героев Социалистического Труда рассказывали на страницах журнала в очерках, репортажах, фотографиях, на цветных снимках, а несколько бригадиров и их товарищи по работе были победителями социалистического соревнования на призы нашего журнала. Мы принимали их у себя в редакции, знакомили со столицей, ее театрами и музеями, возили в Звездный городок...

От имени всех читателей «Огонька» коллектив редакции поздравляет бамовских Героев Социалистического Труда, всех строителей магистрали с праздником Великого Октября. Слава Труду!

Алексей ПАНЧЕНКО

ОРДЕН — АРХАНГЕЛЬСКУ

За большой вклад в развитие морского флота, освоение северных районов страны, отмечая заслуги трудящихся города в Великой Отечественной войне, успехи в хозяйственном и культурном строительстве и в связи с 400-летием со времени основания, Архангельск награжден орденом Ленина. 29 октября здесь состоялось торжественное заседание городского комитета партии, городского Совета народных депутатов совместно с представителями партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, ветеранов войны и труда, воинов Архангельского гарнизона, посвященное вручению высшей государственной награды.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

На заседании, тепло встреченный собравшимися, выступил член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета партийного контроля при ЦК КПСС М. С. Соломенцев.

С чувством глубокого удовлетворения, сказал, в частности, оратор, передаю сердечные поздравления от Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. У. Черненко. Константин Устинович просил передать вам пожелания доброго здоровья, счастья, новых замечательных трудовых свершений.

М. С. Соломенцев огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Архангельска орденом Ленина и под бурные аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени города.

С подъемом было принято приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: при вручении награды.

Телефото С. Губского и В. Кошевого (ТАСС)

ВИЗИТ ДЕЛЕГАЦИИ

По приглашению парламента Японии 25 октября в Токио с официальным визитом прибыла делегация Верховного Совета СССР во главе с членом Президиума Верховного Совета СССР, членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаевым.

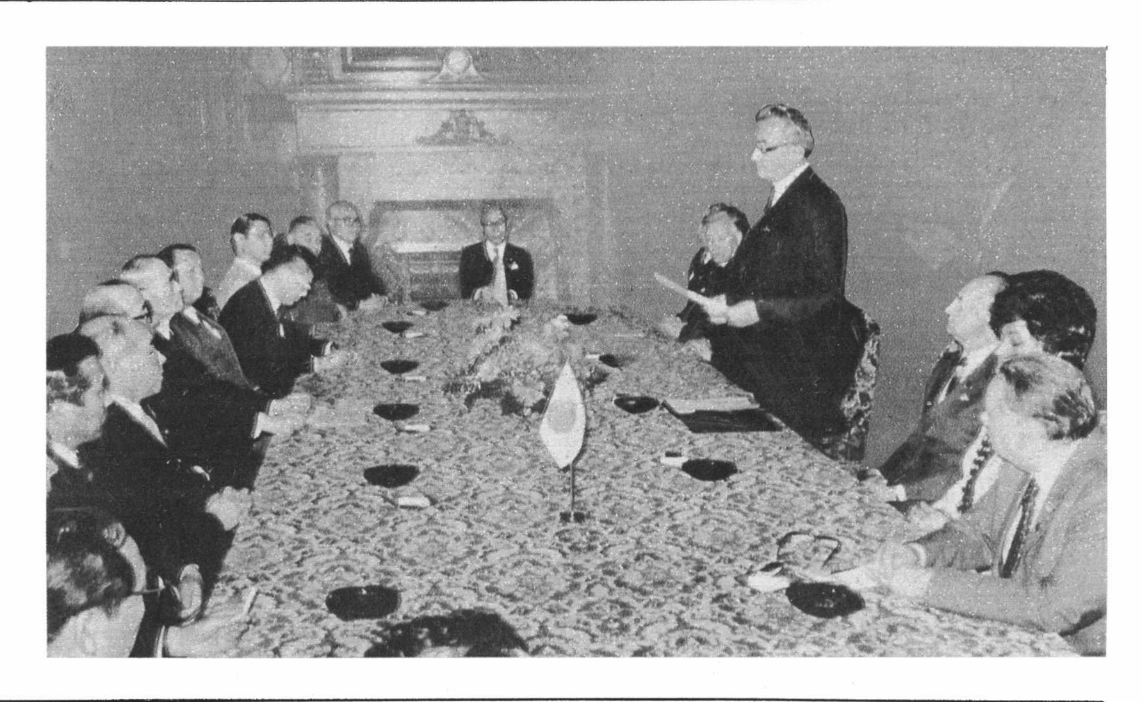
26 октября состоялась встреча Д. А. Кунаева с министром иностранных дел С. Абэ, а также с премьер-министром Я. Накасонэ. В ходе беседы состоялся откровенный обмен мнениями о состоянии и перспективах развития советско-японских отношений.

Делегация Верховного Совета СССР во главе с Д. А. Кунаевым провела встречи с председателями палаты представителей и палаты советников парламента Японии К. Фукунагой и М. Кимурой.

Делегация Верховного Совета СССР совершила поездку по стране.

На снимке: во время беседы с председателями палаты представителей и палаты советников парламента Японии.

Телефото Киодо — ТАСС

ПСКОВУ — НАГРАДА ЗА ДОБЛЕСТЬ

В праздничном убранстве улицы и площади города русской славы. За успехи, достигнутые трудящимися Пскова в хозяйственном и культурном строительстве, заслуги в революционном движении и борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны город награжден орденом Трудового Красного Знамени.

27 октября здесь состоялось торжественное заседание представителей партийных, советских и общественных организаций, коллективов трудящихся, посвященное вручению Пскову высокой награды.

С воодушевлением был избран почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем К. У. Черненко.

Тепло встреченный присутствующими, на собрании выступил секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

М. В. Зимянин огласил Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Пскова орденом Трудового Красного Знамени и под аплодисменты собравшихся прикрепил награду к знамени города.

Участники собрания с подъемом приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР, Совету Министров СССР, товарищу К. У. Черненко.

На снимке: во время вручения награды.

Телефото ТАСС

> **Успех будет зависеть от понимания политической значимости выдвигаемых задач каждым тружеником, каждым коллективом, от организации дела на всех участках.**
>
> **Из речи товарища К. У. ЧЕРНЕНКО на октябрьском Пленуме ЦК КПСС.**

ступени мелиорации

ЦВЕТИ, ЗЕМЛЯ!

С. ПОЛОНИК,
председатель Минского РАПО

В деревне говорят: осень оценит хозяина! Так оно и есть. Осень счет любит, она подводит итоги труда селян, проверяет их преданность земле, их умение заботиться о ней. Осенью ясно, что не всякий, кому земля доверена как средство производства, вправе ждать от нее отзывчивости, тем более щедрости.

Передо мной газета с материалами недавнего октябрьского Пленума ЦК КПСС. Есть в этом номере и показатели хозяйств нашего района. Я испытываю радостное чувство оттого, что нынешняя осень подтверждает: неуклонно продолжается подъем сельских дел в гору. Усилия земледельцев, механизаторов, всех трудящихся района — в основе этого подъема. Конечно, трудностей на этом пути немало, и у нас не все получалось. Но продвижение вперед есть. И есть уверенность, что оно связано не с погодой, а напротив, это результат верной аграрной политики партии, результат целенаправленной, годами проверенной практики.

Знаменательно, что уже в самом начале речи Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко на октябрьском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС отдано должное самоотверженному и нелегкому труду работников полей и ферм. Нам необходимо продолжать поиск путей к эффективной экономике, к повышению благосостояния советских людей. В массе своей труженики села знают о своей роли в народном хозяйстве и честной работой отвечают на требования экономики.

Подтверждение — в сводках на моем рабочем столе. Четыре года назад удой от коровы в хозяйствах района едва превышал две тысячи шестьсот килограммов, а нынче, хоть год еще и не завершился, средний удой поднимется до 2800 килограммов. В 1980 году на сто гектаров угодий наши хозяйства производили по 718 центнеров молока, а в нынешнем году дадут не менее 800. Успех пришел после интенсификации всех отраслей сложного районного хозяйства, и прежде всего земледелия. В речи товарища К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС сказано: «...Забота о повышении продуктивности сельского хозяйства требует иного отношения к земле — одному из самых ценных наших капиталов». А иное отношение — это крестьянская любовь к ней, любовь, помноженная на современную аграрную грамотность и техническую культуру. В таком духе мы стараемся воспитывать жителей современного села.

Работы много.

В районе успешно выполняется план залужения естественных кормовых угодий, мы стараемся улучшить сенокосы и культурные пастбища, известкуем кислые почвы. Использование орошаемых земель держим под особым контролем. Нельзя допустить, чтобы на ветер шли вложенные в мелиорацию средства! На улучшенные поля и минеральных удобрений вносим значительно больше, чем на остальные угодья. Земля быстро обживается... В совхозе «Вишневка» многолетних трав на силос накашивают с гектара в среднем по сто пятьдесят центнеров, а на орошаемых — по 240! В совхозе имени Войкова кукуруза на силос дала в среднем 292 центнера с гектара, а на осушенных землях — по 310. Так было в прошлом году. А вот динамика роста: средний урожай зерновых в районе за десятую пятилетку — 24 центнера с гектара, в 1983 году было 27 центнеров, в 1984-м — 28,1 центнера. Картофеля мы стали накапывать больше с гектара на три тонны.

Товарищ К. У. Черненко напомнил в речи на последнем Пленуме ЦК КПСС: «Нам надо прежде всего повышать продуктивность скота путем качественного улучшения стада и решительного укрепления кормовой базы». Нашей заботы о кормах я уже касался. По поводу улучшения стада скажем так: в хозяйствах района давно поняли, что считать надо не хвосты, а продуктивность. Чистопородных коров в общественном стаде стало больше, на первое января 1984 года они составили 96 процентов поголовья. Впредь мы нацелим все свои силы на то, чтоб решать задачи улучшения пастбищ и стада еще настойчивее.

А за всем этим стоят люди — животноводы, механизаторы, строители. Партия неустанно учит сочетать хозяйственную практику, экономическую деятельность и заботы социальные, вопросы воспитания современного крестьянина.

Жизнь предъявляет нам все более серьезные требования. Сегодня она побуждает нас думать о духовных накоплениях крестьянина. Нынче в колхозе или в совхозе не обеспечен лишь тот, кто не хочет добросовестно работать. Мало кого удивишь сейчас телевизором, холодильником, стиральной машиной, мотоциклом. Даже автомобилем не всякого удивишь. А проблема духовного обогащения остается острой. И решается она, к сожалению, далеко не такими темпами, какие диктует время. Правда, у нас в районе строят дома со всеми городскими удобствами. Есть музыкальные школы на селе, есть и клубы, стадионы. Если сравнивать с тем, что было лет двадцать назад,— прогресс! Но мерки-то теперь другие. Другие требования у жителей села. Мы озабочены и тем, кому доверить землю под технику. Тут прямая зависимость от духовного облика жителя деревни. Досадно, что эта озабоченность проявляется не у всех руководителей хозяйств. Среди них встречаются и такие, которые считают, что проблемы духовного обогащения деревни могут и подождать... Что не так уж важно, какие книги везут в сельский магазин, какой мебелью обставлена сельская школа, в каких костюмах поет колхозный хор... Важно, мол, чтобы бесперебойно направлялись в город молоковозы! Чтобы побольше везли крестьяне мяса, картошки, яблок в город. А об остальном можно подумать и потом. Нельзя потом! Слишком дорого это «потом» обходится. Убежден, что будет правильнее, если мы перестанем считать, что духовные богатства селу можно отпускать по заниженным лимитам.

То же самое следует сказать насчет бытового и коммунального обслуживания сельских жителей. Почему так трудно решается все, что связано с открытием в деревне механических прачечных, ателье проката, домов быта? Большинство хозяйств готово дать деньги, чтобы приобрести все это быстрее. И на современном уровне! Но только и слышишь: «Вопрос упирается...» А «упирается» вопрос то в проекты, то в лимиты, то в оборудование, то... И какие убытки от этого нежелания пойти селянам навстречу!

Мы уже привыкли к тому, что партийные собрания в стране проходят на высоком критическом накале. Партия учит нас нелицеприятно говорить о недостатках. Вот почему я касаюсь больных проблем. Коснусь и тех, что еще не решены и в хозяйственной сфере. Тут самое место сказать о нарушениях плановой дисциплины. Этих нарушений, увы, пока искоренить никак не удается!.. Обыденный пример. В районе, очевидно, сорвется выполнение плана по улучшению естественных кормовых угодий. При всем желании не дотянем процентов двадцать. Почему? Трест «Минскводстрой» Министерства водного хозяйства БССР расписал работы многим подрядным организациям, расположенным в разных районах области. Получилось так, что ответственность этих организаций перед нашим районом, можно сказать, условна. Провалят план у нас, зато перевыполнят его в другом районе. У них концы с концами сойдутся, а за наши конкретные планы душа не болит. Воздействовать на них прав у нас нет. Областные организации не всегда отстаивают интересы района. Внутри РАПО мы, конечно, находим средства, чтобы партнеры уважали плановую дисциплину. На то и РАПО создали. А за границами района... Добавлю, что все сказанное касается не только Минводхоза. Строителей, дорожников, поставщиков разного рода оборудования — тоже. Без элементарной плановой дисциплины мы будем нести и впредь потери там, где упущения должны считаться государственным преступлением.

Очень правильно, что на Пленуме ЦК КПСС так остро говорилось о необходимости четко координировать работу всех ведомств, причастных к делам на селе.

Скажу о технике. Непозволительно долго осваивает промышленность новые машины! Не помню, сколько времени ждут в районе хорошую камнеуборочную технику,— у нас из семидесяти четырех тысяч гектаров пашни шестьдесят тысяч засорено камнями. Как же быть? Теперешняя машина плоха, она справляется только с крупными камнями. А новая? Говорят, застряла между конструкторским бюро и полем... Представляю, какой была бы реакция горожан, если бы продукция из деревни доставлялась с опозданием на много месяцев, а то и лет!.. Тут я снова веду речь об ответственности за то, что тебе поручено.

...Осень подводит итоги. Мы оцениваем прошлое, взвешиваем настоящее, думаем о будущем. И говорим: цвети, земля! В этих словах не только наша вера в нее, но и наша требовательность к себе. И наша уверенность в том, что союз людей и земли надежен. Октябрьский (1984 г.) Пленум ЦК КПСС — тому подтверждение. Цвети, земля!

УЛЬЯНОВ

ПОЭМА

Около ста лет тому назад в Шлиссельбургской крепости за участие в подготовке покушения на царя Александра III был казнен старший брат Владимира Ильича Ленина — Александр Ульянов, прекрасный, талантливый, трудолюбивый юноша. Ему исполнился только 21 год, и его гибель от рук царского самодержавия была потрясающей несправедливостью. Преподаватели Петербургского университета, где он учился, прочили ему блестящее будущее ученого. За одну из своих студенческих научных работ он был удостоен Золотой медали.

Александр погиб в мае 1887 года, в октябре того же года в польском социалистическом журнале «Пшедшвит» («Рассвет»), издававшемся в Женеве на польском языке, была опубликована поэма «Ульянов». Имя автора поэмы пока не установлено, но видно, что он хорошо знал об обстоятельствах гибели Александра Ильича Ульянова: как известно, среди соратников старшего брата В. И. Ленина были и польские революционеры Юзеф Лукашевич, Титус Пашковский и другие. Автор поэмы в некоторых местах допускает отход от исторических фактов, прибегает к художественному вымыслу для усиления драматического начала произведения. Но тем не менее сам факт появления этой поэмы как непосредственного отклика на казнь Александра Ульянова весьма примечателен. Это — еще одно свидетельство тесной связи польских и русских революционеров в их совместной борьбе за свободу.

Фотокопия этого исторического документа была передана сотрудниками Музея В. И. Ленина в Варшаве в Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина (об этом сообщалось в газете «Правда» 25 апреля 1966 г.).

Поэма представляет безусловный интерес как произведение, стоящее у истоков мировой поэтической Ленинианы.

Вниманию читателей предлагается перевод поэмы «Ульянов», сделанный известным советским поэтом Владимиром ФИРСОВЫМ.

О. Д. УЛЬЯНОВА

Печальные звезды светили
В угрюмой ночи с неохотой.
Они утомленные были,
Как женщины после работы.

Нева в своем каменном ложе
Старалась во сне забыться,
И стала с могилой схожа
Полуночная столица.

Никто не обмолвится словом,
Ничто тишине не мешает.
И только шаги часового
Могильный покой нарушают.

●

Но этот покой позорный,
Что вязок, как тина, как глина,
Приемлют лишь те, кто зерна
Клюет из руки властелина.

Для них и Любовь и Свобода
Полярной звездою не светят,
Страшны им земные невзгоды
И правды разбуженный ветер.

Живут они в вечной неволе,
В цепях добровольно томятся,
Иной и не требуя доли,
Возмездья тиранов боятся...

О злая ирония судеб!
Ты трусам свободу даруешь,
А мужество, злобствуя, судишь
И крылья надежды воруешь...

●

Здесь близкого города голос не слышен,
Здесь камни в суровом безмолвии дышат.
И крепость угрюма над сонной рекою,
И месяц — свечой над могильным покоем.

Творенье Петра. Эту крепость когда-то
Воздвигли солдаты на страх супостату.
А ныне — хоронят здесь цвет поколенья
Указом царя и его повеленьем.
Ярмо деспотизма Россия здесь сносит,
Кровавую дань в эти стены приносит...

●

Бессильны усилья героев?
Нет, кровь не напрасно струится...
Суровой ненастной порою
Свобода им снится в темницах.

И смерть их —
бессмертья примером
Встает на дороге кровавой.
И мир обывателя серый
Страшится их будущей славы.

●

Нева! Отчего ты вздыхаешь устало,
Как бедная мать, что детей потеряла?
Должно быть, всем сердцем, всей памятью знаешь,
Какого ты сына опять потеряешь.
Душа его канет в безбрежную вечность.
За грань бесконечности
и в бесконечность,
Откуда никто еще не возвращался
На землю, с которой насильно прощался,
На землю, где каторжный труд человека,
Все силы отняв, сделал душу калекой.

●

Но хватит печали! Известно,
Рабов она царских не тронет.
Нужна здесь задорная песня,
Чтоб страх поселился на троне,
Чтоб слабые духом воспряли,
Презрев вековые невзгоды,
Чтоб ярко вдали засияли
Вершины Грядущей Свободы.

Река вдохновенья, как знамя,
Неси эту песню по свету!..
И глухо гремит кандалами
Студент, ожидающий смерти.
Не верит он в царскую милость,
Не просит защиты у бога...
Дверь камеры вдруг отворилась,
И — скорбная мать у порога.

Он мать не обнимет.
Недаром
Их встрече желанной мешают
Решетка с угрюмым жандармом
И царь, что судьбу их решает.

●

«О сын мой! Со многими я говорила,
И многих сердца я мольбою смирила.
Прощенье возможно — ты только покайся,
В своих заблужденьях открыто признайся.
Мне много терпеть в эти дни приходилось,
С надеждою тщетной на царскую милость.

Для жизни, для жизни тебя родила я...»
И слезы душили, глаза застилая.
И мать только взглядом молила сына,
И мать только вздохом его просила...

А узник, гремя кандалами своими,
Поклялся сберечь свое честное имя.
Сказал он, храня убежденность во взоре:
— Тираны мечтают меня опозорить.
Не каюсь я, мама, ошибок не знаю,
Ведь ты меня правде учила, родная.
Лишь жизнь, а не честь у меня отнимают...
Безмолвствует мать и его понимает.

●

Кровавым румянцем рассвет занимался,
Как будто терпенью славян изумлялся.
(Славяне сносили и кнут и неволю,
Но лучшие — верили в лучшую долю...)

С тюремного пола жандармы подняли
Скорбящую мать в неизбывной печали.
Мать!..
Слово святое мы шепчем с любовью,
С восторгом, с надеждой, с тревогой и болью.
Терпенье и Вера — удел материнский,
Настолько привычный, знакомый и близкий!
Терпенье — когда их любовь забывают.
Терпенье — когда их сынов убивают.
О чем сыновья матерей ни попросят,
Все матери терпят, все матери сносят...

И Родину матерью мы называем,
Да только не к ней мы сегодня взываем.
Сегодня она лишь богатым подмога.
А сирым и бедным — надежда на бога...

●

Жандармы толпились вокруг эшафота.
Знать, царским холопам найдется работа.

Ведут осужденного по коридору.
Продажный судья уже ждет с приговором.
Ульянов спокоен.
Он держится прямо,
Он вынесет смерть,
Только б вынесла мама.
Он вынесет смерть,
Он не жаждет прощенья.
И верит, что в будущем
Будет отмщенье...
Вот он умирает,
защитник Свободы,
Поборник грядущего братства народов.
Пред подвигом головы люди склоняют
И в скорбном безмолвии слезы роняют.

Вдруг крик над толпою взметнулся, как птица,
То мать ниспослала проклятья убийцам.
И крик этот жуткий застыл в поднебесье...

Нева, начинай свою новую песню!

Рисунок И. ПЧЕЛКО

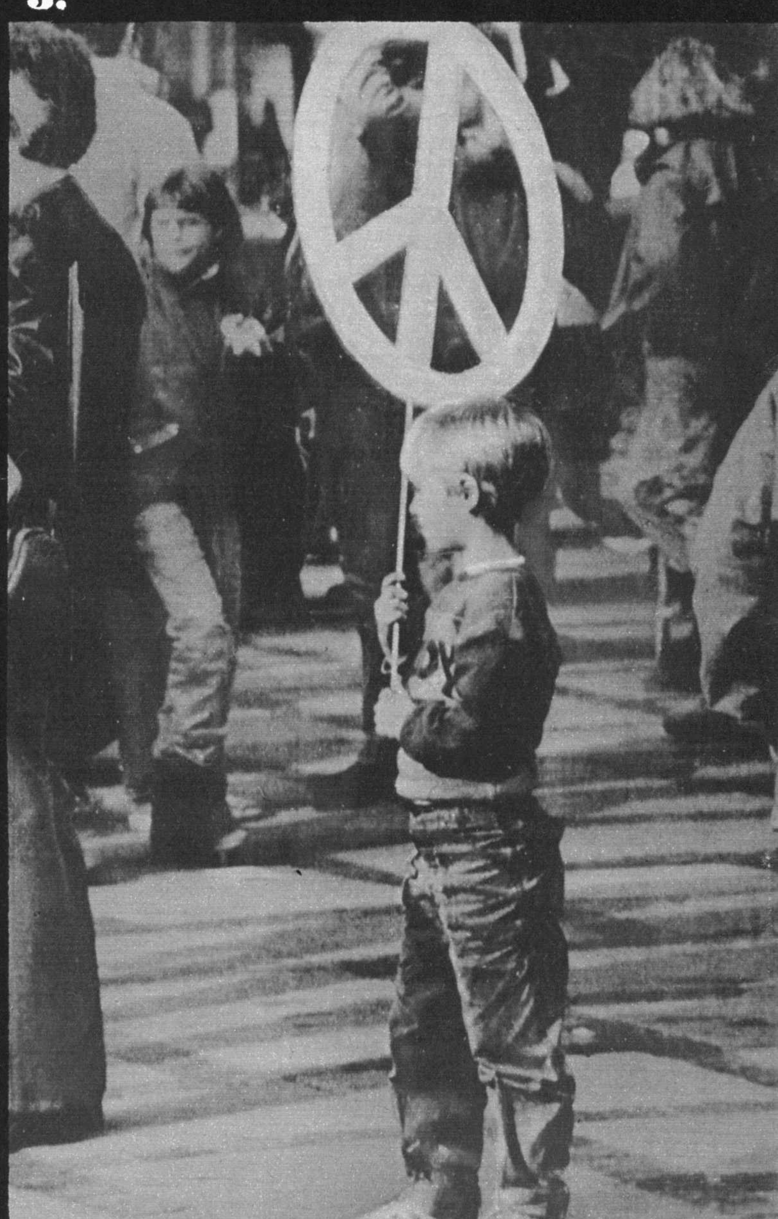
1.

ТАМ, ГДЕ ПРАВИТ КАП

2.

3.

Вглядитесь в эти снимки. Место действия — страны так называемого «свободного мира». Время действия — наши дни.

* * *

«Я и армия Соединенных Штатов приветствуем вас» — написано на плакате манифестанта, который воспользовался этим столь красноречивым маскарадным костюмом (фото 4). Это один из западногерманских членов движения в защиту мира, которые вместе со своими американскими единомышленниками приняли участие в антивоенном выступлении на территории военно-воздушной базы в Рамштейне (ФРГ). Именно сюда доставляются из США новые ядерные ракеты первого удара.

«Нам нужен мир!» — этот призыв прокатывается сегодня по всем странам. Многотысячные демонстрации за мир и разоружение, в которых приняли участие представители политических партий, профсоюзов, молодежных, женских и антивоенных организаций Дании, прошли в Копенгагене. Демонстранты гневно осудили наращивание ядерных вооружений и превращение Западной Европы в стартовую

ИТАЛ

площадку для американских «Першингов-2» и крылатых ракет. Возможно, что для юного участника демонстрации (фото 3) это первое в жизни сознательное выступление. Первое и такое ответственное — выступление за мир.

* * *

Противоречия между трудом и капиталом с новой силой проявились в многомесячной забастовке английских горняков. Их решимость бороться до победы не смогли сломить ни угрозы, ни грубая сила полиции, которая своей жестокостью в отношении бастующих превзошла все, что видела Великобритания за последние годы (фото 1).

Но никакие репрессии не способны остановить борьбу трудящихся западных стран за свои насущные права. Не оправдываются расчеты власть имущих и на разобщение людей труда — все активнее проявляется классовая солидарность рабочих и служащих во многих странах. Пример такой солидарности — манифестация западноберлинцев, работающих на одном из предприятий концерна «Сименс», в поддержку своих бастующих коллег — металлистов из ФРГ (фото 2).

* * *

«Помогите, я потерял работу!» — призыв, который все чаще раздается в различных странах Запада. Эта очередь безработных (фото 5) ожидает бесплатной раздачи пищи, организованной по инициативе благотворительной организации в Нью-Йорке. Такая картина стала типичной для многих крупных городов США, повседневной реальностью в кичащейся своим богатством Америке.

Окончание на стр. 24—25.

4.

5.

К 40-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

ОБОЖАЮ ТЕБЯ И ЛЕЛЕЮ...

ПИСЬМА УЧАСТНИКА ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

Письма фронтовиков, тех, которые не вернулись. Стертые на изгибах, зачитанные до дыр листочки с поблекшими чернилами. Их, эти реликвии, хранят в деревянных шкатулках, позволяя себе и своим близким читать по праздникам.

Вот такие же письма и Николая Власова. Московский паренек, он учился в строительном техникуме, в 1938 году по комсомольскому набору пошел служить на Военно-Морской Флот. Началась война — и он стал участником героической обороны Севастополя с первого до последнего, двухсотпятидесятого ее дня. По материалам, предоставленным нам Центральным военно-морским архивом в Гатчине, старшина II статьи Н. Н. Власов, 1916 года рождения, служил сначала в Дунайской военной флотилии, базировавшейся в Измаиле, потом во флотском экипаже Черноморского флота, потом в частях береговой обороны Севастополя. Здесь же хранится его личное дело по приему в партию, заявление, написанное его рукой.

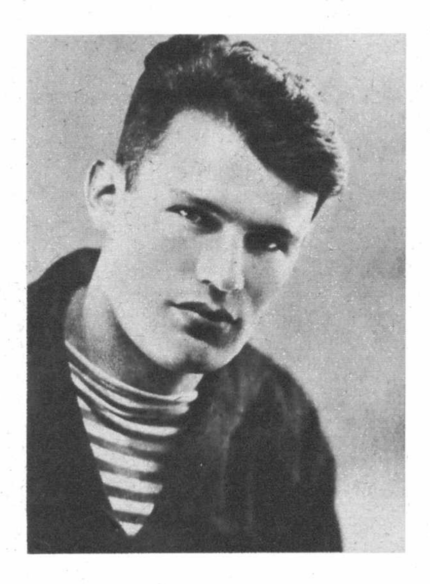
Письма Николая Власова адресованы невесте, студентке Галине Исаевой, и наполнены нежностью и тоской по любимой. Как ни тяжелы были испытания, выпавшие на долю защитников черноморской твердыни, Николай Власов пронес яркий свет чистой, негаснущей любви и глубокого патриотизма. Потому его письма — документы эпохи, в которых отражена суровая судьба поколения.

Галина Николаевна Исаева после окончания института в 1943 году тоже сражалась на фронтах Великой Отечественной войны. Вместе с 17-й воздушной армией участвовала в изгнании врага с Украины и из Молдавии, освобождении Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Югославии. День Победы встретила в Австрии, под Веной. За боевые заслуги награждена орденом Красной Звезды и медалями. Сейчас Г. Н. Исаева — персональный пенсионер и продолжает работать сотрудником Гидрометеослужбы.

О ней и о том, что у нее есть эти бесценные письма, мне посчастливилось узнать от семьи штурмана Г. А. Кашкова, с которой связывает меня давнишняя дружба. И вот эти листочки, аккуратно пронумерованные,— их целая стопа...

С разрешения Галины Николаевны здесь воспроизведены некоторые из писем Николая Власова, севастопольского моряка.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

25.06.41 г.

г. Измаил.

Моя роднулька, здравствуй!

Опять получил возможность тебе написать, да еще как — чернилами, это чтобы тебя успокоить. Жив, здоров и чувствую себя замечательно. Состояние у нас такое, что совершенно не замечаем ни времени, ни градусов (температуры) воздуха. Началась жизнь по особо заведенному механизму. Да, знаешь, а я тебе немного изменил, честно признаюсь, что виновен в этом — с 22-го. Делю совершенно открыто твою любовь с некоей тоже, но другой Галочкой. Ты знаешь, она тоже такая стройная, аккуратная и такая верная — не расстаюсь с ней ни на минуту. Это моя винтовочка — Галина...

У нас тут, в действующей армии, такое настроение, что никто ни на секунду не задумается, чтоб отдать свою жизнь за Родину, за вас, горячо любимых, дорогих. Фашиста-гада, пытающегося разбить нашу любовь, сотрем с лица земли. Сегодня во время «теплого» дела подал заявление в партию.

А ты будь совершенно спокойна, кончай обязательно институт. Никаких необдуманных поступков не делай, послушайся своих родных. А ведь я верю в свое счастье, оно раньше не покидало меня и сейчас со мной. Счастье — в твоей любви.

3.07.41 г.

Радость моя, ненаглядная, здравствуй!

Ну вот опять у нас передышка. Правда, небольшая, но письмо черкануть тебе хватит. А куда писать, цветик мой?! Ведь я не знаю, где ты, что делаешь и вообще получила ли мои предыдущие открытки. Что о себе сказать? Жив, здоров, настроение самое боевое и вообще с 22-го себе не принадлежу, но честно сказать, когда у нас самое жаркое время и когда есть возможность сомкнуть глаза,— ты всегда перед моими глазами. Ты зовешь меня в бой и на отдых, ты — самое дорогое в моем сознании. Родина — это у всех, это святое, а ты — у меня. При таком положении моих личных дел немец передо мной совершенно слаб. И не только у меня. Так неужели они не обретут себе могилы у нас? Это ясно как день! Да! А когда врага сокрушим, то такую с тобой жизнь закатим! Какую сами захотим! Вот так! И ты тысячу раз права: эти испытания нас заставят очень высоко ценить наше будущее счастье. Ну, а третий член нашей семьи, если тогда появится, будет, как закон, непременно сорванцом.

17.07.41.

г. Севастополь.

Милик мой, здравствуй!

Как долго я от тебя ни одного словечка не получал, да это и понятно, я даже не на Дунае. Но на днях наконец буду там и смогу начитаться твоих писем. Сейчас на несколько часов зашли в Севастополь, и я с великим трудом вырвался в город узнать о «Челюскине», на котором ты. Но никто не знает, где вы находитесь, а вместе с тем и я. Когда кончится эта неизвестность? Где ты, что с тобой? Видел Толика, кучу новостей узнал. Марк ушел добровольцем в ополчение.

20.07.41 г.

Черное море.

Подходим к Одессе, и только сейчас немного тише стало. Весь рейс штормило, девять баллов. Знаешь, я не верил, когда некоторые говорили, что во время шторма пьянеют, и вот в этом рейсе не выдержал и чувствовал себя, как во время самой сильной пьянки. В Одессе побудем сутки и скорей на Дунай.

Да, перед отходом из Севастополя я все же узнал, что ты со 2-го числа выехала в Москву. Это для меня самое радостное известие. Ведь я не имею от тебя писем с 27 июня. Ну разве это не аварийное положение? Галя, Галочка, моя любимая девочка, писать нельзя, налет с воздуха, отбиваемся...

Кончаю, пишу теперь уже в море на катере, поэтому так коряво. В Одессе были недолго, а работы столько, что даже не мог бросить в ящик письмо. Немцы на Одессу налет сделали, но получили здоровую нахлобучку.

1 августа 1941 г.

г. Евпатория.

Любимик, здравствуй!

Не писал тебе целую вечность, а не получал от тебя еще больше. Сколько изменений, сколько событий! Во-первых, туда, где я так долго был, не пиши. Ибо там не только меня нет, но и нас нет. Почему это произошло, мы сами разобраться не можем, ибо большой трудности нам не представляло быть там. Очевидно, были какие-то более высокие мотивы. Между прочим, я сейчас «гол как сокол». У меня есть только то, что на мне, и ни ниточки больше. И самое ужасное — лишился твоей фотографии. Все произошло мгновенно и неожиданно.

Сейчас меня больше всего интересует, что ты делаешь. О москвичах очень часто передают по радио, и как только я услышу что-либо о нашей дорогой столице, так это сразу ты перед глазами.

Невзирая ни на что, ты должна кончить институт.

В Евпатории сошел на берег, часа через два уйдем. Как этот городок изменился, стал совершенно пустым!..

4.09.41

Село Ак-Мечеть.

Галчонок! Здравствуй!

У меня двойной праздник. Я принят в действительные члены ВКП(б)! Радуйся вместе со мной! Это во-первых. А во-вторых, получил от тебя весточку, правда, маленькую, но твоей рукой написанную. Ну, как ты могла подумать, что я тебя могу забыть? Имей в виду: чем напряженней тут у нас, тем больше мыслей о тебе, Галчонок, Ак-Мечеть не город и даже не городишко, а простое районное село, и на карте его нигде нет. Милый мой, у меня куча вопросов к тебе. Ты что, пошла работать ввиду денежных затруднений? Прошу тебя, сообщи срок уплаты за учебу в институт, и деньги внесу я. Если ты мне не сообщишь, то обида будет неискупима. Да, чуть не забыл, что это за институт и какую роль после его окончания будешь играть?

О встрече сейчас нечего и думать. Ну, какими глазами бы я смотрел после этого на людей, на историю? А?

23.09.41.

Наконец опять в Ак-Мечети. Приехал, и сразу куча писем, от

тебя и от Лелечки*. Рад до чертиков! Ты, сама не думая, правильное сделала предположение. В Ак-Мечети я не сижу, но здесь, сама понимаешь, имеем возможность получать письма.

Только пришли из Одессы, и вообще я там кое-что делал. И сейчас еще нахожусь в возбуждении. Правда, это уже привычное. Писать сейчас — только мучиться, валюсь с ног от усталости. Знай: там, где советские военные моряки, там фашисты стонут и вся их военная техника трещит по швам...

Ну, милый мой, пиши мне как можно чаще. Знаешь, я загораюсь, как кумач, читая в письмах твои поцелуи. Мечтаю о них, и это сбудется! Как закон!

4.10.41.

Все эти дни, начиная со дня моего рождения, были крайне напряжены. Враг нагло осмелился полезть на крымскую землю. И я с гордостью могу тебе сообщить, что он получил блестящий отпор и сейчас собирает свои шмутки. Нам дали немного отдохнуть. Еще раз читаю твое давно полученное письмо. В нем ты пишешь, что былое тебе кажется чудесным, неповторимым сном. Галь, милая, да за что же я, вернее, все мы ведем такую жестокую и кровопролитную войну? Да ведь же за вас, горячо любимых, дорогих! Ну и праздник же мы сделаем, когда кончим эту освободительную войну!

Могу тебе вполне официально заявить, что никакая вражеская пуля меня не берет, я застрахован, это как закон. А зарос я действительно, как старый кустарник, и колючий до невозможности. И усы самые настоящие отрастил и колючие. Ребята меня, смеясь, называют батькой.

6.11.41.

г. Севастополь.

Здравствуй, любимая Галочка!

Давно я тебе, миленькая, не писал, а жил тобой каждую минуту. Бои за Крым совсем не давали возможности и словечка черкануть тебе, а телеграммы отсюда не посылают. Положение сейчас очень напряженное, ведь Севастополь советские моряки ни за что не отдадут. И сейчас, когда идет защита Севастополя и враг как оголтелый рвется к нам, я все напряженней слежу за обороной родной Москвы. Эх, как бы я хотел быть там! Мой бы автомат так же метко разил фашистов, как и здесь. Сейчас слушал речь тов. Сталина. Ну до чего же он правильно говорил, как будто бы вместе с нами находится на поле боя. Танки, самолеты просто как воздух нам нужны. Пехоту гитлеровцев мы просто кромсаем. Но вот это временное превосходство в технике несправедливо до боли.

Как-то вспомнил разговор с Фаиной относительно исчезновения морской романтики. Что, мол, море одели в механизмы и оседлали большими кораблями. Э, до чего же Фаина ошибалась! Я этот разговор всегда вспоминаю, когда приходится выходить в море на одно- или двухмачтовой шлюпке, где команды 4 человека и погода 7—8 баллов и сопутствуют «мессершмитты». Вот и морская романтика, в которую Фаина не верила. Я бы многое тебе написал, но надо идти на передовую и бить этого гада.

Сегодня мне предложили ехать на Кавказ и там служить, но я отказался. Пока мои руки и ноги действуют, я не могу, чтобы мой автомат молчал.

18.XII.1941 г.

г. Туапсе.

Дорогая, ненаглядная детка!

Целый век не имел от тебя весточки, вот ведь мука! Всего, что произошло за это время, не опишешь. Ясно только одно — истребляли фашистов. Нас-то вообще считали без вести пропавшими. Сейчас в Туапсе приводим себя в человеческий вид.

О Толике крайне плохие вести получил (Леле не говори). От того состава, где он учился, осталось 1/3, а с того факультета, где он находился, несколько человек. Эх, гады, я их давил, как клопов, а теперь еще больше буду. О Толике. Уверяю себя, что он жив и все в порядке. Но так мало надежд на это!

Ласточка, любишь ли ты меня? Такая ли ты, или время сыграло свою роль и я стерся в твоей памяти? Я тебя молю, напиши чистосердечно, не играй в жалость. Милая, могу ли я назвать тебя моей женулькой, моей белочкой? Ведь я этого хочу больше своей жизни.

24.12.41 г.

Вот уже несколько дней я в Туапсе и чувствую себя как не в своей тарелке. Здесь тихо, спокойно и вообще как-то по-мирному, даже неловко, ведь там как в пекле, а здесь так спокойно. Неужели мне здесь придется быть до конца войны? Нет, я этого не выдержу. Это просто не в моих силах.

Галочка, скажи, а что, если я был бы искалечен миной и стал уродом, продолжала бы ты меня любить? Да... Это было бы жутко, во всяком случае, я давно решил, что если это случится, то ты меня никогда не увидишь. Моя любовь к тебе не позволит, чтобы ты мучилась.

Моя сумасшедшая любовь выросла до гиперболических размеров. Не знаю, но мне порой кажется, что при встрече я побоюсь дотронуться до тебя, ибо на богинь молятся, но не осязают.

Галочка, если бы ты знала, какие мы Гитлеру концерты задавали! Море гигантских разрывов от снарядов, мин, бомб, ливень пулеметного и автоматного огня. Короче говоря, такой «дезинфекции» нашей русской земли фюрер не выдержал...

31 декабря 1941 года
22 часа 30 минут.

г. Туапсе.

Любимая, здравствуй!!!

Осталось всего несколько часов старого, такого чудовищного 1941 года. На всех фронтах бои, когда в жаркой схватке совсем забываешь себя. Сколько раз я был доволен тем, что много занимался спортом, он везде и всюду как воздух нужен был, но вот осечка, и я застрял в этом несчастном Туапсе. И приходится встречать Новый год в таком неудачном городке.

Мне сейчас почему-то захотелось восстановить в памяти встречи предыдущих годов. Хочешь, я тебе их опишу. 1937—1938. Дача у станции Пушкино под Москвой. Замечательная компания студентов. Мы прибыли в 11.45. Только сели, начался дым коромыслом.

1938—1939. Начало службы во флоте. Я, салага, лежу на койке в учебной роте, кругом тишина...

1939—1940. За два дня наша подлодка пришла в Севастополь, друзей туча. Несколько человек — только моряки — собрались на Корабельной стороне у знакомых девушек и встретили Новый год во славу русского оружия, а наутро опять в море.

1940—1941 год. Измаил, погранпост на берегу Дуная, чудесная зимняя ночь, падает редкий пушистый снежок. Я несу вахту, удалось черкануть тебе несколько слов. Ровно в 24.00 подошла машина, вышли люди проверять. Поздравили друг друга и уехали. Но обиды никакой, что ты стоишь на рубеже. Я был уверен, как закон, знал, что меня вспомнят и поднимут за меня бокал.

Но вот 1941—1942. Суровый Новый год подходит. На передовых позициях от грохота снарядов и треска пулеметов небу жарко, немцы, как голодные шакалы, воя, отступают. А Колька после участия в боях оказался в Туапсе, правда, временно, но в тылу, немного потрепан, но все конечности целы. Я начал уже ходить, значит, через две недели самое большее смогу опять бороздить Черное море. Сейчас должен прийти друг, и мы потихоньку выпьем за славу святого русского оружия, за любимых и родных.

7.01.42.

г. Севастополь.

Алло, алло, говорит Севастополь. Николай Николаевич Власов... у бумаги. Я опять ожил, теперь все в порядке, отсиживаться хватит. Сейчас в Севастополе. Представляешь? Целых две недели не был здесь. Я никогда не думал, что Севастополь может так привязать к себе человека. Дни, которые провел не в нем, были тягостны для меня. Ведь за город сражаются, отбивают его от лютого врага, и, как закон, моряку нужно быть только в Севастополе. А дела-то такие здесь творятся! И не опишешь и не обрисуешь. То, что военные должны быть в боевой обстановке, это ясно, но вот жители? Они меня всегда удивляют. Рыбаки, например, под грохот канонады удят рыбу, и если снаряды рвутся недалеко от них, в воде, то удочки в сторону и давай вытаскивать глушеную рыбу. Какой бы бой ни был, а рабочие работают как часы.

13.01.1942.

г. Туапсе.

Дорогая беляночка!

Если бы Земля перестала вертеться или Вселенная воспламенилась, я бы меньше удивился, чем когда получил от тебя телеграмму... из Ленинабада и, главное, такой боевой адрес: 15/3? Нет, жизнь создана из сюрпризов. Представляешь, когда мне дали эту телеграмму, я от нее отказался, но приписка меня остановила. Слова «Галя и роднулька» показались мне такими близкими и дорогими, что я уверился в правильности адресата. Да, самое главное, я опять ожил, то есть здоров, и выходили в море. Уже побывали в Севастополе, поколотили немцев. Все идет как по нотам. Но вот этот Ленинабад? Я предполагаю, что туда перевели твое учебное заведение. А где мама? Неужели ты уехала от нее? Или во время данных условий не пришлось рассуждать и тебе волей-неволей пришлось уехать? Что пишет папа? В общем, у меня не письмо, а целый вопросник. Любимик мой, дорогой, но это только потому, что я все хочу знать о твоих переменах. Сейчас чувствую себя хорошо, а самое главное — бороздим море.

31.01.42.

г. Туапсе.

Белочка, как же это ты справляешься с казарменным расписанием да еще на положении красноармейца? А сигнал «Подымайсь» действительно крайне неприятная штука, и каково это тебе, любившей утром понежиться? По первому году службы этот сигнал я просто не мог слушать, хотя у нас зорю красиво играют на кораблях. Ну, а затем оморячился...

А что после войны ты такое, кем будешь. На военной службе? Я ни минуты не сомневаюсь в том, что Победа будет за нами. Я даже о своей жизни не задумываюсь, ибо знаю, как закон, что буду жить для моей, так сильно любимой женульки, для моей Галочки. Я готов два раза жить, и за тебя, но только чтобы ты была подальше от всего этого.

3.02.42 г.

Любимик мой, хочу задним числом поделиться одной моей радостью. Хотя в партию меня приняли еще летом прошлого года, а выдали партийный билет всего две недели назад. И вот я, наконец, получил все права действительного члена партии. Понимаешь, рад до безумия! Я каждые пять минут вытаскивал эту красную книжечку и глядел на нее, как зачарованный. Ведь ты же представляешь, что это значит — быть членом партии большевиков!

Сейчас еще раз перечитал твое письмо и вместе с тобой обрадовался твоему приобретению — часам. Представляю, как они смотрятся на твоей ручке. Ах, честное слово, много отдал бы даже за один поцелуй твоего маленького пальчика!

5.02.42.

Вчера у нас было ЧП: к нам на флот приехали артисты цыганского театра «Ромэн». И знаешь с кем? С Лялей Черной. Вечер удался на славу. Я давно таких хороших артистов не слушал и вчера сидел, как зачарованный. А они пели, танцевали без устали. Вот когда мне до жути захотелось побыть на таком вечере с тобой, моей любимой женулькой. Счастье мое ненаглядное, когда, наконец, мы будем с тобой вместе!

Окончание следует.

* Лелечка — родная тетя Николая, он рос в ее семье.

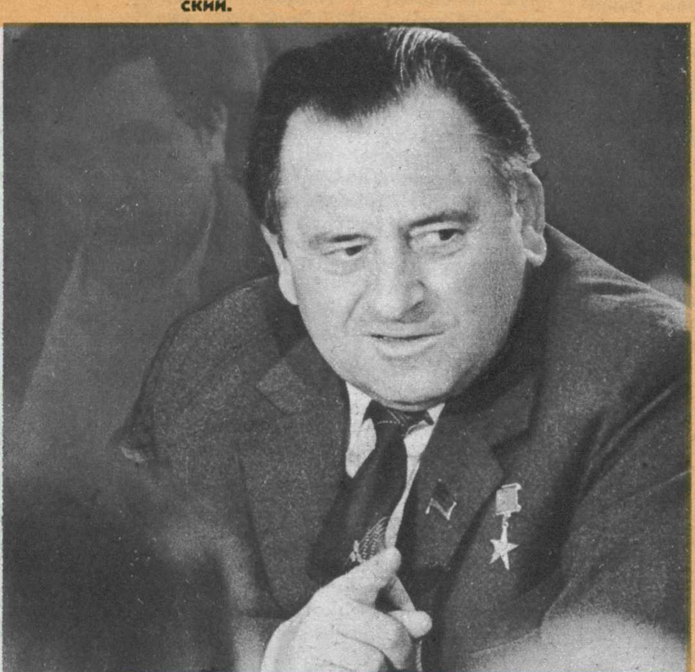
Из окна школы.

В заботе о людях, в создании надлежащих условий для их труда и быта, дальнейшего расцвета культурной жизни партия видит основу производственных успехов. Этим вопросам Политбюро уделяет и будет уделять неослабное внимание. Сегодня мы можем вполне определенно сказать, что в жизни сельских тружеников происходят коренные изменения, к лучшему меняется облик нашей деревни.

Из речи товарища К. У. ЧЕРНЕНКО на октябрьском Пленуме ЦК КПСС.

ЧТО ЧЕЛОВЕК МОЖЕТ

Председатель правления колхоза «Заря коммунизма» Владимир Антонович Плютинский.

С. КАЛИНИЧЕВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО, специальные корреспонденты «Огонька»

Самый благоустроенный город, который посчастливилось увидеть журналисту, «намотавшему» многие тысячи километров в командировках по стране и за ее пределами, находится на северо-западе Украины, неподалеку от Ровно, и называется... село Заря.

Дело-то ведь не в официальном статусе, а в том, какими удобствами располагает человек на месте жительства. Сюда входит и комфорт его собственной квартиры и возможность выбрать профессию, культурно отдохнуть, заняться любимым видом спорта, раскрыть свои творческие способности, а в случае нездоровья получить своевременную и квалифицированную помощь.

У жителей Зари все это есть. В каждой квартире — водопровод и канализация (колхоз построил для этого свои очистные сооружения), плита на природном газе, ванна; тут же в доме или во дворе — гараж для автомобиля и погреб для солений и мочений... Можно перечислить еще массу мелочей, о которых позаботился колхозный коммунхоз. Есть тут и такое подразделение, как свое проектно-сметное бюро. Ведь, кроме частных домов, в Заре еще около шестисот квартир в больших, «городских» домах, построенных стройцехом колхоза. Если человек заболел, может вызвать с квартирного телефона свою «Скорую» — приедут и терапевт и кардиолог со всей необходимой аппаратурой.

...Мы с уважением говорим: «колхоз-миллионер». Это уже высокий ранг. В ордена Трудового Красного Знамени колхозе «Заря коммунизма» только на социальные нужды (здравоохранение, культуру, спорт, бесплатное питание детей в школах и содержание в яслях-садиках, путевки в санатории для колхозников, их питание на производстве и другую помощь) ежегодно расходуется 700 тысяч рублей! Но и эта сумма составляет лишь несколько процентов колхозных доходов, которые достигли 22 миллионов рублей в год.

Но баловнями природы здешних селян не назовешь. Земли тут бедные — подзол, суглинок, пески да болота. В начале пятидесятых годов на Сморжевские хутора председателем колхоза пришел Владимир Антонович Плютинский. Мальчишкой он партизанил в этих местах, кое-какое представление о достатке крестьян имел, но то, что увидел, обескуражило. В хозяйстве имелось пятнадцать коров и двадцать свиней, но и те были разбросаны

по сельским клуням. Правление колхоза ютилось в двух комнатушках, арендуемых в частной хате.

Что довелось преодолеть молодому председателю в те первые годы становления хозяйства, в двух словах не расскажешь. Но через несколько лет колхоз выкарабкался в передовые. А кто везет, на того и грузят. Присоединили к ним соседнюю, разумеется, самую отстающую артель. Но разгон был взят, и колхоз не сдал завоеванных позиций. Потом его укрупняли еще не раз, и теперь «Заря коммунизма» объединяет одиннадцать сел и девяносто хуторов.

Владимир Антонович считает, что хутор — зло, это не столько образ жизни, сколько образ мышления, индивидуалистская философия. За счет колхоза на центральной усадьбе и в селах строились и продолжают строиться благоустроенные дома, хуторянам предоставляются бесплатные квартиры со всем городским комфортом. Готовые, только переезжай! Конечно, 90 хуторов для одного колхоза многовато, но было-то их здесь, трудно поверить, 1260! Значит, сколько уже переселено?

Практически Заря с ее, прямо скажем, роскошным Дворцом культуры (в селах есть еще восемь клубов), со спортивным комплексом, плавательным бассейном, в котором можно проводить соревнования любого ранга, конноспортивной школой, стадионом, сауной, библиотекой, больничным комплексом, гостиницей, школой искусств, где учатся рисованию, музыке, хореографии 260 детей колхозников, вся построена заново. Чего не хватало селу — так это хорошего водоема. И колхоз построил два живописных пруда с проточной водой и благоустроенными пляжами.

Владимир Антонович считает, что возможности колхозной формы производства раскрыты не полностью. Имея очень высокие доходы, можно вовсю поднимать зарплату, чтобы колхозник, образно говоря, умостился на мешке с деньгами и мечтал о втором таком же мешке! Но это значило бы рубить сук, на котором сидишь. Здесь механизатор получает 200—250 рублей, примерно столько же — работница теплицы. Это не выше, чем во многих других хозяйствах. Зато огромные средства вкладываются в культуру сел, дорожное строительство, быт и, конечно же, в производство, повышение плодородия почв.

Если уж создали свой плодоовощной комбинат, то с холодильником на три тысячи тонн, пальметтным садом, консервным заводом и даже со своей железнодорожной веткой. Построили семь гектаров теплиц по всем правилам современной науки, с автоматизированным управлением, подземными переходами, чтобы работницы не простуживались зимой. И получают за сезон по 15 килограммов помидоров или 25 — огурцов с каждого квадратного метра. Здесь и свой стеклотарный завод на 60 миллионов банок в год, свой лесозавод, цехи по производству асфальта и железобетонных изделий.

Пока что мы не говорили о чисто сельскохозяйственной продукции колхоза. А ее тут производится столько, что не каждому району под силу: 12,5 тысячи тонн зерна, 32 тысячи тонн сахарной свеклы, полторы тысячи тонн мяса, море молока и многое, многое другое. Тут не фермы, а комплексы и фабрики. И работает в колхозе только специалистов с высшим и специальным средним образованием 220 человек.

Но душой дела, неутомимым генератором идей вот уже четвертый десяток лет остается Владимир Антонович Плютинский — Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета Украинской ССР. Недаром само слово «председатель» по-украински так и звучит: «голова». Было интересно поговорить с ним, поразмышлять, что ли, о принципах управления, которые он исповедует.

— Какие принципы? — пожав плечами, тихо сказал «голова». Кстати, он никогда не спешит, не шумит, не повышает голоса.— Я учусь. Всю жизнь. Когда молодым был, а колхоз только становился на ноги, ездил к соседям учиться, бывал у Макара Анисимовича Посмитного, у Кирилла Прокофьевича Орловского, да мало ли у кого... И везде учился. Если надо — посылал своих колхозников в передовые хозяйства, да не по одному, а группами.

Самый благоустроенный город... село Заря.

А когда за границей бываю, все смотрю, прикидываю, что тут лучше, чтобы перенять. И не только в технике или технологии, но и в бытовых удобствах, в обслуживании. Сижу на совещании или вечерком художественную литературу почитываю, а сам подспудно, привычка уж такая, свежую мысль ищу... чтобы с пользой применить в работе, в общении с людьми. Такую привычку пытаюсь воспитать и у подчиненных. Даже требую. Тут уже своя система выработалась.

— В столь большом хозяйстве многое приходится доверять подчиненным, полагаться на их решения. Но ведь есть вопросы, которые никогда не решаются без вас?

— Финансы и кадры.

Мне более интересным показалось второе. В колхоз «к Плютинскому» многие стремятся, вот и спросил:

— Когда принимаете человека в артель, какими его качествами интересуетесь в первую очередь?

Ответ был несколько неожиданным:

— Прежде всего хочу знать, каков он в семье, дома. На первую беседу, если женат, приглашаю вместе с супругой. И этот разговор не веду наспех. Специфика села. Здесь ты весь на виду. Тут не пройдет, чтобы дома одна мораль, а на производстве другая. Так что нравственные качества человека — первая, а чисто деловые — вторая статья. Тут, как говорится, не умеешь — научим. А учить нравственности куда сложнее, хотя... тоже приходится.

И мне вспомнился один эпизод. На заседании правления (оно затянулось до ночи) каким-то уже ...надцатым вопросом обсуждали поступок руководительницы комплекса, которая оскорбила подчиненную. Отчитали ее вежливо, но довольно сурово. Постановили: объявить выговор, издать по этому поводу приказ и ознакомить с ним — под расписку! — руководителей всех звеньев производства. Объявив решение правления, Плютинский сказал виновнице: «Можете идти».

Она пошла к двери с таким лицом, что на нем можно было прочесть и все ее годы, и тяжесть работы, и сознание того, что завтра о случившемся будет знать все село. Кроме членов правления, на заседании присутствовало человек тридцать колхозного актива.

— Минутку,— остановил ее у самой двери председатель. И, обращаясь по имени и отчеству, спросил: — У вас есть транспорт, чтобы добраться домой? Время позднее.

— Нет,— растерянно ответила она.

— Возьмите мою машину — она у порога, внизу.— Нажал на кнопку звонка и сказал тут же вошедшей секретарше: — Спуститесь вместе вниз и скажите моему водителю, чтобы отвез...— И опять по имени и отчеству.

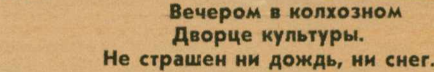
Так что выговор выговором, а его уважение к руководителю колхозного звена, к женщине осталось неизменным. И об этом тоже наверняка будут знать в селе.

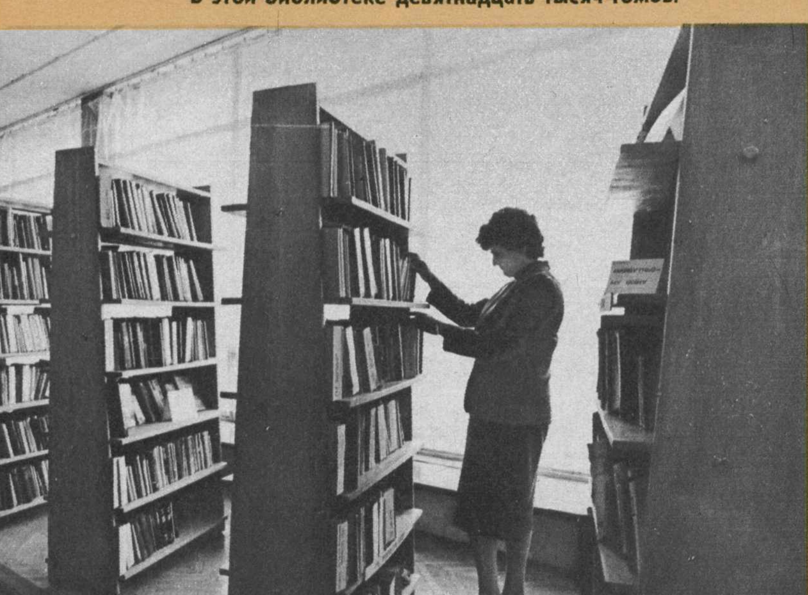
В колхозе считают, что их «голова» все может. А он утверждает, что, когда бывает в отъезде, дела в хозяйстве идут даже лучше. И когда заряне хотят подчеркнуть что-то выдающееся, самое лучшее, то говорят: как в колхозе! Здесь в ходу поговорочка: порядок, как в колхозе. Есть в этом и щегольство, и налет бравады, но никакой иронии.

Бассейну рады и стар и млад.

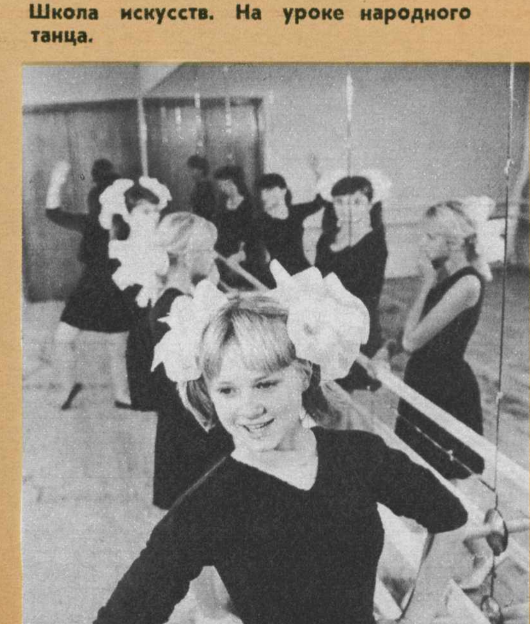

Вечером в колхозном Дворце культуры.

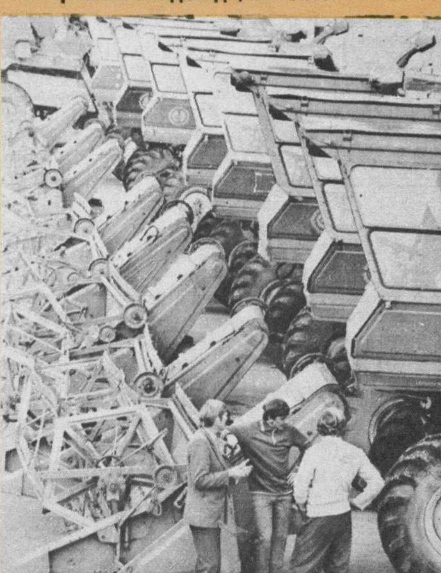

В этой библиотеке девятнадцать тысяч томов.

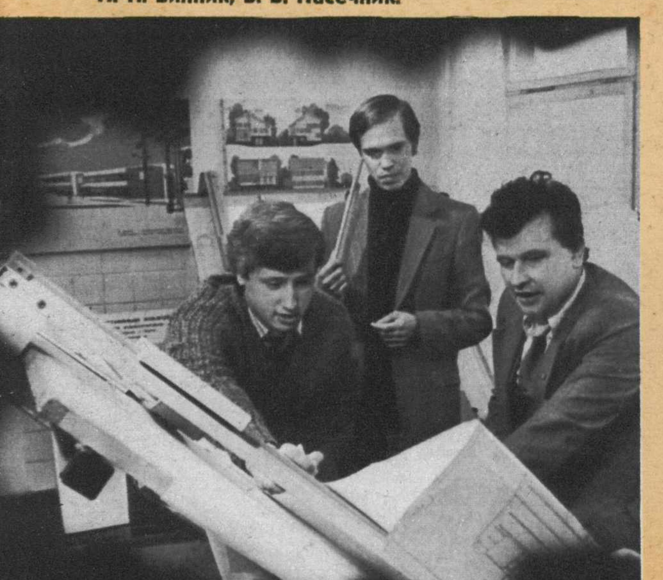
Школа искусств. На уроке народного танца.

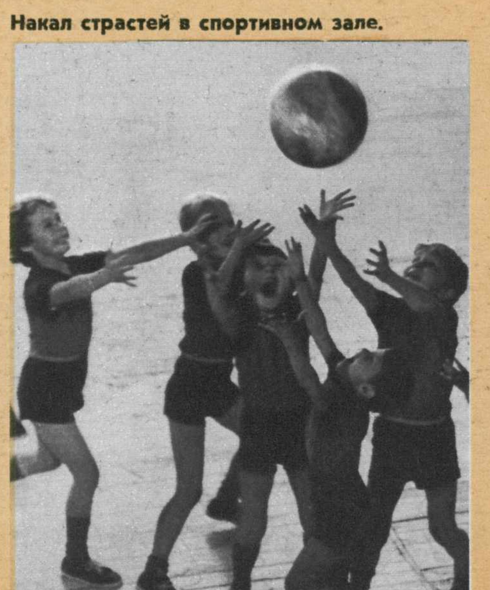

Не страшен ни дождь, ни снег.

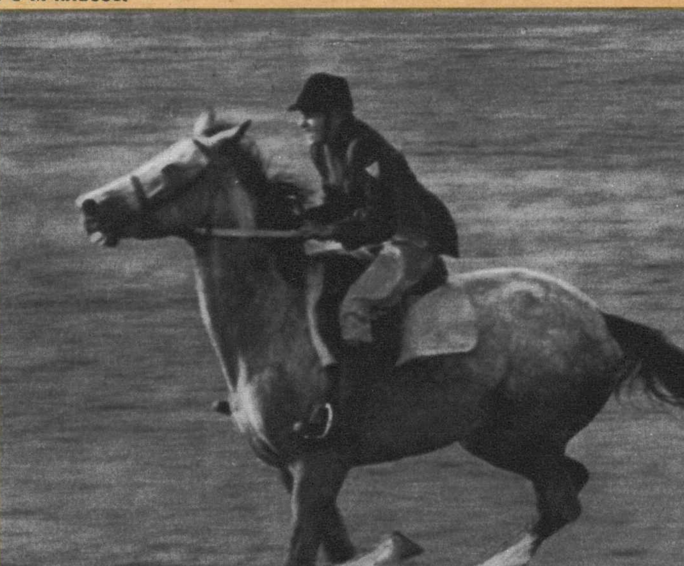
Творцы колхозной красоты — архитекторы и инженеры проектного бюро С. Ю. Семенец, Н. Н. Винник, В. В. Пасечник.

«Пусть всегда будет солнце!»

Накал страстей в спортивном зале.

Полесский джигит Саша Шевчук учится в 8-м классе.

«Огонек» на БАМе

Наша дорога

Сергей ВЛАСОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Между двумя путеукладчиками оставались считанные километры...

— ...Сколько машин сейчас работает на вашем участке?— спросил я Леонида Иннокентьевича Сиднева, заместителя управляющего трестом «Бамстроймеханизация».

— Семьсот погрузочно-транспортных единиц,— уверенно ответил Сиднев.

— А на всей трассе?

— Только большегрузных автомобилей свыше двух с половиной тысяч.

— Наверное, на БАМе такого еще никогда не было?

— Думаю, что не только на БАМе. А может, и вообще в истории человечества.

«Да, такого я еще никогда не видал!» — говорили нам здесь многие бывалые люди в эти последние недели перед стыковкой.

Были моменты, когда машины, собранные в единый кулак со всей трехтысячекилометровой трассы, шли из карьера сплошной стеной. Одна за другой, одна за другой, почти вплотную, как вагоны поезда. И стоило одной остановиться, как тут же идущие следом полсотни, сотня машин останавливались и начинали гудеть: «Дорогу! Дорогу!»

Днем и ночью, днем и ночью не затихал гул мощных моторов.

Это был могучий механизм, вроде бы никем и не управляемый, работающий сам по себе, по привычке, по инерции, словно заведенный. Это было как наваждение, как экстаз, как ритуальный танец с четко отточенными, сотни раз выверенными движениями. Самосвалам, экскаваторам, бульдозерам, мертвым, холодным механизмам будто передалась часть яростного душевного заряда, они словно ожили и вместе с людьми устремились к месту стыковки...

Западные обозреватели сравнивают строительство БАМа с сооружением тоннеля под Ла-Маншем, к которому никак не решатся приступить, и думают, что этим сравнением отвешивают второму Транссибу комплимент. Что ж, у каждого свои мерки. Только замечу, что территория, попадающая в зону промышленного освоения новой магистрали, исчисляется полутора миллионами квадратных километров. А это, если уж вы взялись, господа, сравнивать, чуть побольше Франции, Испании, Италии и Греции, вместе взятых.

Нет, неспроста БАМ называют магистралью века. Сотни головокружительных по сложности проблем стояли перед изыскателями, тоннельщиками, взрывниками, механизаторами. Каждая из них заслуживает отдельного рассказа, яркого и увлекательного. А мостовики, их проблемы! Говорят, строить БАМ — значит строить мосты и соединять их насыпью. Что ж, в этой полушутке большая доля правды. На последнем, девяностокилометровом отрезке магистрали между Кодаром и Куандой (в основном в зоне вечной мерзлоты!) пришлось возводить сорок три моста, многие из которых были неповторимыми.

И все-таки самое интересное на БАМе — люди. Помериться силами с БАМом приезжали многие, иные отступали. Но не о них сегодня речь. Кто они — первопроходцы и старожилы, герои великой трассы? Имя им — легион. Расскажем о некоторых из них.

«ПОВЕЗЛО ТЕБЕ, НИКИТИЧ!»

Несколько часов назад мы с Гуровым стояли на берегу Витима.

— В восемьдесят первом его еще не было.— Гуров кивнул на мост-красавец, соединивший берега стремительной, шумной реки.— Помню, как горючее доставляли в Куанду с Большой земли. К Витиму подходил бензовоз, из него топливо сливали в бочки, по две штуки перевозили их через реку на лодке. Десяток бочек наберется, везем их на «Урале» до Койры. Эта маленькая речушка, воробей хвост не замочит, весной разливается на полверсты. Значит, перегружай «горючку» в вездеход. Как-то он у нас сломался, так бочки клали на носилки, и своим ходом — с кочки на кочку, по колено, а то и по пояс в ледяной воде. Дальше опять грузи на машину и до Куанды. Каждая капля этого бензина дороже золота нам была. На четыре замка я его запирал и когда выдавал, отмерял чуть ли не мензуркой.

— Так разве только горючее!— сказал главный механик поезда Владимир Салимович Ахметшин.— А хлеб, а тушенка, а курево — дешевле, что ли, доставались?

— Не скажи!— возразил Гуров.— Без хлеба мы бы еще прожили, а вот без «горючки»... Она и хлебом нашим была, и мясом, и всем, вместе взятым. Есть горючее — будем живы, будет тепло, будет работа, будет БАМ.

Отсюда, от Витима, начинается читинский участок магистрали. Отсюда, точнее, от 809-го километра, начинается беспокойное хозяйство Анатолия Никитича Гурова, начальника СМП-695. Хозяйство это протянулось вдоль строящейся дороги почти на семьдесят километров, почти до той самой точки БАМа, где было уложено «золотое», последнее звено. Когда работа на этих километрах идет по графику, в Тынде, в «бамовском Кремле», о Гурове как будто забывают, но стоит случиться маленькой заминке, тут же начинают надрываться телефоны: «Где Гуров? Подать сюда Гурова!»

— А я еще и пою,— улыбается Анатолий Никитич.

И правда поет. Девятого мая на праздничном концерте пел в хоре, а потом его упросили исполнить соло. Исполнил две песни: «Холодные волны вздымает...» и «Бери шинель...». Говорят, пел и на «бис»...

— Что же вы все Гурова поругиваете, Леонид Кириллович?— не выдержал я, когда мы разговаривали в куандинской гостинице с заместителем начальника «Главбамстроя» Л. К. Нестерчуком.— Он же хороший начальник поезда.

— Не просто хороший,— возразил «маршал Нестерчук», как здесь иногда называют Леонида Кирилловича.— Отличный начальник! Один из лучших на БАМе. Потому и требования к нему повышенные, раз он м о ж е т.

— Кто везет, на того, значит, и валим?

— Конечно. У нас здесь люди особенные — двужильные. Других не держим. Другие на материке телевизор про нас пусть смотрят.

Сами они смотреть про себя телевизор не всегда успевают. Как-то показывали по Всесоюзной программе про Гурова большой телеочерк, заранее из Останкина ему о том любезно сообщили телеграммой, он в календаре у себя отметил день и час, но... не сумел, не вышло: такая работа.

Поезд Гурова начал свое формирование 1 февраля 1981 года практически с нуля, в глухой тайге. А за два месяца до этого, пробившись на «Урале» по не окрепшему еще льду озера Леприндо и реки Сюльбан, Гуров с семью смельчаками поставил в центре будущей станции первую десятиместную палатку. Мороз, как назло, приударил, «буржуйку» приходилось раскочегаривать докрасна. Комендантом «лагеря» Гуров назначил Сергея Евдокимова, а сам поехал в Тынду выбивать необходимое снаряжение. В первой же полученной им радиограмме из Куанды сообщалось: ночью палатка сгорела, но все живы...

А уже первого сентября сто пять юных куандинцев вошли в свою школу...

В кабинете Анатолия Никитича сохранилась стенгазета, выпущенная к первой годовщине основания поезда. Свои мысли и воспоминания о прошедших днях он изложил в небольшой заметке. Самым выразительным в ней мне показались... многоточия. Среди скупых фраз о будничных делах строителей магистрали эти многоточия таят в себе сюжеты целых повестей, драм, романов о мужестве удивительных людей — первопроходцев. Такой, например, абзац:

«20 октября 1981 года на вездеходе вшестером искали возможный брод через Витим, брода не нашли... Сорвало гусеницу, 20 часов просидели в ледяной воде, кабину наполовину залило. Согревались песнями. Спали под треск ломающихся о железо и стекло вездехода льдин. Спасал вертолет...»

И... многоточие.

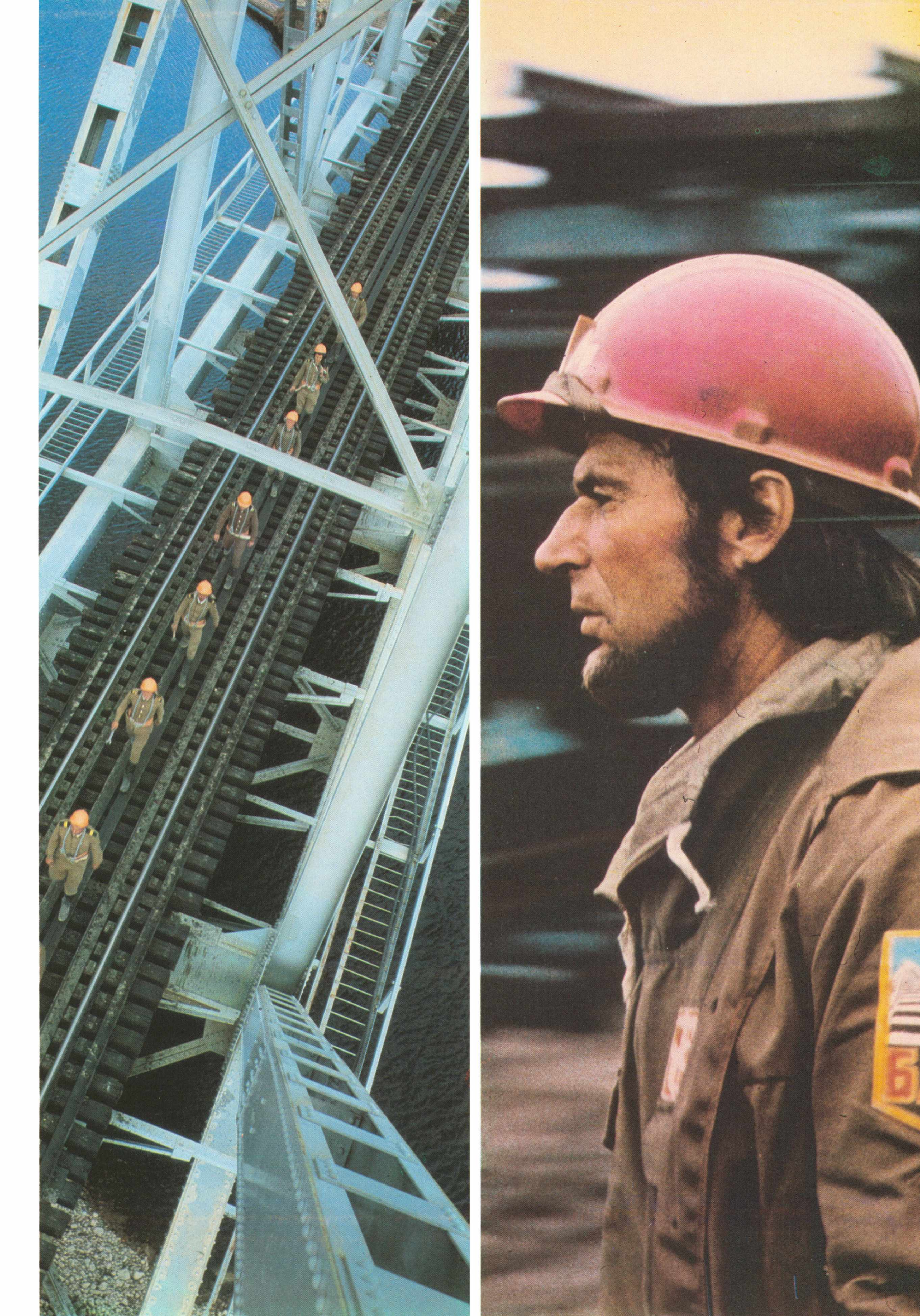
— Повезло тебе, Никитич, «золотой» костыль БАМа забьешь!— говорили Гурову, когда его четыре года назад назначили началь-

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Идут по тайге поезда * «Вот он какой, БАМ!»
НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Людмила Головнина — дежурная по станции Звездная * Этот столб не зря зовут золотым — он последний на сооружении моста там, где состыковались рельсы.
НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Построено военными строителями * Прославленный бригадир Иван Варшавский.
НА ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ПОЛОСАХ ВКЛАДКИ: В Куанде встречают первый поезд!
НА ШЕСТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Укладку пути ведет бригада Александра Бондаря * Ночная смена.
НА СЕДЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Центр Тынды наряден и красив * Бригадир Алексей Болдырев * Целый миллион кубометров древесины — такова будет производительность Кунерминского леспромхоза * На станции Тында разгружаются сливы * Счастливого пути!
НА ВОСЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Детский городок в Северобайкальске * Вот так каждый день идут на работу в этом городе начальник дистанции сигнализации и связи А. Ф. Куренков, инспектор сохранности вагонного парка В. А. Долгов и начальник локомотивного отдела Б. М. Социховский.

Фото Г. КОПОСОВА, специального корреспондента «Огонька», Э. БРЮХАНЕНКО и Г. КАЛАЧЬЯНА (ТАСС)

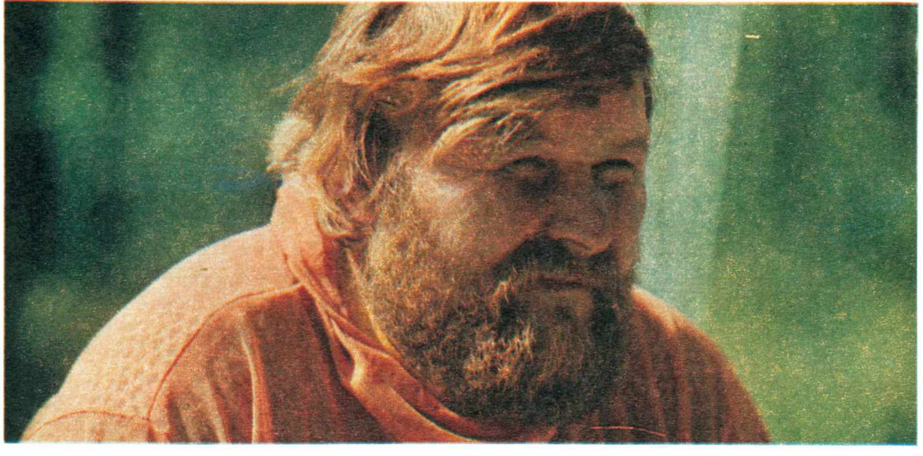
СТАНЦИЯ
ЗВЕЗДНАЯ

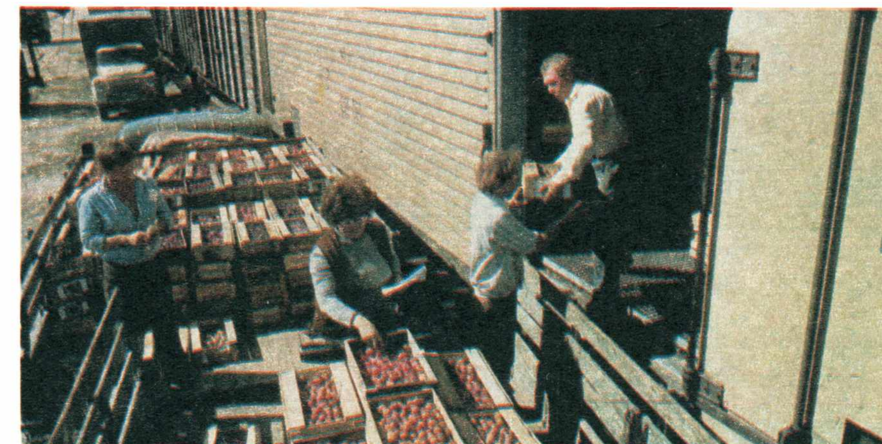
ЗЕЛЕНУЮ УЛИЦУ
„ЗОЛОТОМУ" СТОЛБУ
БАМа!
„ЗОЛОТОЙ" СТОЛБ!

СССР
БАМ
2155
ТЫНДА—МОСКВА

ником куандинского участка дороги, где планировалось осуществить стыковку. Всем, конечно, было ясно, что именно ему, Гурову, предстоит принять на себя всю тяжесть последнего, самого трудного боя за магистраль.

И он его принял. За эти четыре года сменились многие начальники строительно-монтажных поездов, он остался. И сделал все, что мог, и даже больше того, чтобы рельсы на его участке, финишном участке БАМа, легли точно по графику. Но вот ирония судьбы: тот самый «золотой» костыль, который грезился по ночам, к которому Гуров, как мощный локомотив, вел за собой свой поезд, недосыпал, недоедал из-за которого, портил себе и другим нервы и кровь,— «золотой» костыль этот был забит у разъезда Балбухта, в пяти километрах от границы его участка.

СКОЛЬКО ВОДЫ В МОРЕ!

В историю Байкало-Амурской магистрали Куанда вписана золотыми буквами. Именно здесь 1 октября 1984 года торжественно отмечалась укладка последнего звена магистрали века. Куанде, несомненно, повезло. Десятки таких же крупных станций на всей трассе, а вот столь завидная доля — стать хозяйкой главного бамовского праздника — выпала именно ей.

Вы, наверное, видели по телевизору этот праздник. Звучала музыка, речи перемежались овациями, рдели красочные транспаранты. Тысячи людей собрались вместе. Встретились наконец те, кто шел навстречу друг другу: одни с запада, другие с востока. «Пришли...» Десять лет хода!

Я всматривался в лица людей и старался угадать среди них того, кто был здесь все десять лет,— мне почему-то казалось, что на его лице должен лежать какой-то особый знак, отсвет бамовских усилий. Я был уверен, что смогу отличить этого человека — бамовца десятилетней выдержки.

...Они разговаривали вчетвером.

— Простите,— я тронул за локоть мужчину в тюбетейке,— вы давно здесь работаете?

— В Куанде с восьмидесят первого. Вот эту площадку под станцию, где мы стоим, я ровнял.

— А на БАМе сколько уже лет?

— Десять.

Бульдозерист Вели Хасанович Гусейнов, азербайджанец, приехал в Сибирь по комсомольской путевке из Ташкента. Вместе с женой, сыном и дочерью. Жена Галя работала кочегаром, в прошлом году вернулась в Ташкент. Сын Алик стал здесь шофером, работает на лесовозе. Дочь Марина, бухгалтер, недавно вышла замуж.

— Раньше мне песок и гравий посторонние люди привозили,— говорит Вели Хасанович,— теперь зять возит, Саша Матишев. А я ровняю.

— Случаем, не подсчитывали, много ли за десять лет земли разровняли?

— Да разве сосчитаешь! Сколько волос на голове? Сколько воды в море? Кто знает...

— Говорят, что жить надо там, где родился.

— Э-э... Жить надо там, где есть большая работа, где хороший заработок.

— Сколько получаете?

— Семьсот, восемьсот. Все от нас самих зависит. Берем наряд на двадцать — тридцать тысяч кубов в месяц и вкалываем.

— Вы южный человек, как вам здешние морозы?

— Мне-то что! А вот бульдозер... Пока его утром разогреешь...

— И как же?

— Костерим... Костер под движком разводим. А вообще-то я всю жизнь на тракторе. Чарвакскую ГЭС строил в Узбекистане, Чардаринскую — в Казахстане, в МТС работал под Баку.

— А родители ваши?

— Вот родителей не помню. Умерли они в один почти день, когда я был совсем маленький. И брат мой вскоре после этого умер, четыре года ему было. И сестра погибла в семнадцать лет. Какой-то рок над нашей семьей зло подшутил. Я и фамилии-то своей настоящей не знаю. Воспитывать меня взяла чужая женщина, тетя Нарзия. Свою фамилию мне и дала...

ПОВАРИХА

Я вспоминаю серое воскресное утро, когда путеукладчик бригады А. Бондаря пришел на станцию Куанда — не «понарошку», не для торжества, не для того, чтобы запечатлеться в летописи Всесоюзной ударной стройки, а по-настоящему привел на станцию рельсы. Она была почти пуста. Моросил нудный дождь. Буднично положив последнее звено, ребята негромко крикнули «ура!» (кричать громко уже не было сил) и, пошатываясь, пошли к вахтовке, автобусу. Кто-то пытался пошутить, на смех тоже сил не осталось. Ни цветов, ни речей, ни хлеба-соли тогда не было.

Бригадир снял замурзанные рукавицы, тихо спросил: «Кому?» Тут же около него оказались двое — корреспондент «Забайкальского рабочего» Анатолий Снегур и Иван Симонов, фотокор «Северной правды» — и спрятали бесценные реликвии.

— Сколько уложили?— спросил кто-то.

— За семнадцать часов — четыре километра двести.

— Значит, за сутки могли бы свой же рекорд перекрыть! (Этот бамовский рекорд укладки был установлен в июне перед Витимом, когда с восьми утра до восьми утра бригада уложила 5600 метров.)

— Ну вот, а говорят, вы с неба звезды хватаете.

— Конечно, хватаем,— вяло улыбаясь, проговорил Александр Васильевич.— Особенно когда по трое суток не спим.— И пошел вслед за своими ребятами.

«Это бригада двадцать первого века,— вспомнил я слова, сказанные мне главным инженером «Нижнеангарсктрансстроя» Александром Павловичем Романовым.— Я ими восхищаюсь. Они работают виртуозно, слаженно, словно симфонический оркестр. Ни одного лишнего движения. А как они живут! Единая семья — общие беды, общие радости, общие деньги. За две недели, что я провел в их «бронепоезде», ни одного грубого слова не слышал, ни разу не видел, чтобы хоть кто-то притронулся к рюмке. Даже в День железнодорожника не пили. Чисто символически отметили свой профессиональный праздник — по бутылке пива на брата».

После такой характеристики кому не захочется познакомиться с ребятами поближе. Да, о многих из них уже писали, а вот о бригадной поварихе наверняка нет.

— Может быть, это покажется вам наивным,— говорила Наташа Заботина, сидя на сосновом пеньке,— но мне очень нравится, что в моей трудовой книжке последняя запись такая лаконичная: повар бригады Бондаря. Коротко и ясно. И штампик: местность приравнена к районам Крайнего Севера.

— А перед этим какая была запись?

— Ой, длинная! Старший редактор Иркутского комитета по радиовещанию и телевидению при облисполкоме...

— Ничего себе!— не удержался я.— Так мы с вами коллеги.

— Э, нет! Я повариха.

— Как, неужели не мечтаете написать о своей бригаде книгу?

— Сначала хотела, а потом поняла, что не готова к этому. Я ведь много делала сценарии о строителях Братска, Усть-Илима, Богучанской ГЭС. Но только теперь поняла, как плохо раньше писала и к а к надо писать о т а к и х людях.

...Она приехала в бригаду снимать телепередачу для молодежи, три недели провела рядом с путейцами и вернулась в Иркутск. А вскоре в ее комнату в коммуналке как снег на голову нагрянул сам бригадир, Александр Бондарь,— он на зимнюю сессию приезжал в город.

— Володя на тебе жениться хочет,— сказал он чуть ли не с порога.

— Какой Володя?!— изумилась она. Сценарий был давно написан, и она уже начала забывать имена и лица своих героев. Володя Заботин? Нет, он ничем ей особенно не запомнился. Как все, один из многих, и вдруг!..

Через неделю примчался сам жених. Погода была нелетная, но он добрался до Иркутска на транспортном самолете. «Да поймите же вы!— доказывал он в аэропорту, когда его не хотели брать.— Мне до зарезу надо! На собственную свадьбу опаздываю». Хотя он понятия не имел, что ответила Наташа его свату.

— Пришли они вдвоем с Бондарем,— вспоминает она.— Володя предлагает мне руку и сердце, а я только и сумела ответить спасибо. Потом он мне признался, что сначала не понял: «спасибо — да» или «спасибо — нет». Вот так меня, как говорится, без меня женили. А я уже было на себе крест поставила, только работой и жила. Вернусь из командировки, отпишусь, снова еду. Володя, оказывается, меня еще со Звездного помнил и думал обо мне, а я и не знала, что живет на свете такой человек...

Они поженились 31 декабря 1982 года в Ангарске, у его родителей. Их семейная жизнь началась в «бронепоезде», так ребята называют свой дом на колесах. Столовая, баня, спальни, клуб, библиотека — все здесь, в вагонах. Бригада кладет рельсы, «бронепоезд» идет по ним следом. И так пятнадцать дней, одна вахта. Потом две недели отдых в базовом поселке, в Кичере. Там у Наташи и Володи теперь своя квартира, не хоромы, конечно,— однокомнатная, но все-таки своя. Впервые за всю жизнь, Володя ведь тоже в холостяках ходил до тридцати семи.

— Он очень хотел, чтобы я, как и раньше, только писала. А я все-таки добилась и стала стряпухой.

— Не жалеете?— спрашиваю.

— Некогда жалеть-то,— отвечает.— С пяти утра до двенадцати ночи на ногах. Двадцать пять своих ртов, да еще гости каждый день в непредсказуемом количестве.

— И чем же вы их кормите?

— О, это целая наука. Я уже знаю, кто из наших что не любит. Трое не едят, например, птицу, им готовишь что-то другое. Саша Кондратенко не любит чеснок, ему котлеты делаю отдельно. Володя Бочков не любит рис, Коля Мельников и Ваня Машков — крученое мясо, мой Володя — яйца, Саша Бондарь не ест жареные томаты... Но только вы не подумайте, что они гурманы какие-нибудь и привереды. Сколько раз, когда я еще только училась у моих сменщиц, Вали Высоцкой и Риты Дегтяревой, готовить на такую ораву, сколько раз я кормила ребят и сырым, и пересоленным, и пережаренным! Хоть бы кто поперхнулся для вида, мне б, может, и легче было... Нет, просто я знаю, как им трудно даются рельсы, и мне хочется сделать для них приятное. Многие на трассе думают, что нашим ребятам легко живется,— взволнованно вдруг заговорила Наташа.— Мол, бросил звено на готовую насыпь, парой болтов его прикрепил к предыдущему и пошел дальше. Только почему-то не очень много любителей до этой «легкой жизни» находится. В декабре прошлого года мы подходили к Таксимо, дали нам четверых новеньких. Полсмены отработали — ложку ко рту поднести не могли. На вторую вахту трое из них уже не приехали: у одного теща вдруг заболела, другой ногу подвернул... Из четверых только Валя Михайлов остался. Как он мечтал привести путеукладчик в свой родной поселок Таксимо! Не вышло. Приехал домой после смены переодеться, чтобы во всем чистом укладывать «серебряное» звено, и... заснул.

— Зарабатывают ребята неплохо, на что они деньги тратят?

— О, не думайте, что в кубышку складывают! К морю детей возят, здесь солнца не хватает. По турпутевкам за границу часто ездят, почти во всех концах света побывали, в Африке, в Азии, Европе.

Мы прощались с Наташей Заботиной под звуки торжественного марша. Куанда чествовала победителей.

— А книгу о ребятах я все-таки напишу!— крикнула Наташа, вливаясь в праздничную толпу.

* * *

Десять лет звонкое имя «БАМ» набатом гудело над страной. И вот рельсы сомкнулись, дорога построена. Если быть точным, уложен рельсовый путь, и еще понадобится немало усилий, чтоб довести его до ума.

На недавнем заседании Политбюро ЦК КПСС говорилось о необходимости активизации дальнейшей работы по завершению строительства магистрали.

БАМ продолжается.

Панкрат Назаров — И. Лапиков, Поликарп Кружилин — П. Вельяминов.

ТВ

ЛЮБИТЬ И НЕНАВИДЕТЬ

Любить жизнь. Любить добро и свет, свою родную землю. Ненавидеть подлость... Темы вечные для искусства, и интерес к ним не иссякает.

Роман Анатолия Иванова «Вечный зов», появившийся в семидесятом году, сразу стал заметным явлением в советской литературе. А вскоре режиссеры Владимир Краснопольский и Валерий Усков начали снимать на киностудии «Мосфильм» по заказу Центрального телевидения многосерийную ленту с тем же названием.

Работа продолжалась почти десять лет, картину по мере готовности показывали частями и вот теперь по просьбе зрителей демонстрировали целиком, все девятнадцать серий. И вечерами, отложив дела, люди подсаживались к телевизорам, чтобы еще раз пережить трагические судьбы героев, драматический накал страстей, трудные, суровые годы и обстоятельства.

Огромная, протяженная во времени телеэпопея, шедшая, казалось бы, совсем недавно. Не развлекательное зрелище, в ней нет ни одной легкой и гладкой судьбы, она требует от зрителя напряженной работы души и мысли. И если возникло желание вторично увидеть «Вечный зов», значит, есть потребность вновь продумать все, что происходит на экране, чтобы лучше разобраться в недавнем прошлом, в окружающих и, может быть, в самих себе.

Сплетаются в тугие узлы противоречий яркие, сильные характеры, непредсказуемо развиваются события. И герои фильма мучительно ищут ответ на вопросы, которые властно задает жизнь: что есть добро, что есть зло. Здесь постоянное противоборство великодушия, мужества, порядочности — и низменных, жестоких сил; их вечный бой...

О телекартине уже много написано и немало еще будет опубликовано статей, книг, рецензий. Трудно исчерпать все затронутые в ней темы, ее многогранность и значительность дают простор для размышлений.

Действие происходит на изломе истории, в течение полувека. Происходившие в стране перемены влияли на жизнь людей, определяли их подлинные ценности. Герои — личности незаурядные независимо от авторской к ним симпатии, и оттого особенно остро воспринимаются их взаимосвязи и столкновения.

Трудности подпольной революционной борьбы, годы Великой Отечественной, будни и заботы работников райкома партии, дела колхозные... Широкое историческое полотно с многообразием сюжетных линий, каждая из которых могла бы стать самостоятельным произведением. Перед нами проходят судьбы людей, причастных к небольшому сибирскому местечку Шантаре, разные пути, которые они сами для себя выбирали. Не все шло гладко — порою с кровью, ошибками, заблуждениями. Но, как бы ни оборачивалась жизнь, справедливость, человечность торжествовали, и в этом высший нравственный закон нашего бытия, утверждают создатели фильма.

Стремительно, динамично развивается сюжет, экранное время насыщено до предела. И это тоже слагаемое успеха, как и великолепные актерские работы. Популярные, любимые мастера открылись здесь неожиданно, по-новому, а молодые уверенно вступили на большой экран.

Для миллионов зрителей олицетворением облика районного партийного руководителя, честного и непредвзято мыслящего, долго еще будет Поликарп Кружилин, очень деликатно, мягко сыгранный П. Вельяминовым. А синонимом подлости, лицемерия и демагогии останется Полипов в удивительно точном и жестком исполнении Ю. Смирнова.

П. Вельяминов играет Кружилина человеком открытым, доступным чужой беде и радости, как говорили в старину, душевным. И поскольку роль эта, как почти все в картине, возрастная, с годами он наделяет своего героя не только мудростью, повышенной ответственностью, но и обостренной совестливостью. Будто испытывает чувство вины перед людьми за то, наверное, что не может дать им сразу ту жизнь, которую они заслужили, и не всегда в его силах предотвратить злую волю случая.

Истинно народный характер воплощает И. Лапиков в образе Панкрата Назарова, бывшего, как и Кружилин, партизана, председателя колхоза в Михайловке. Он решает образ в близком к П. Вельяминову ключе, наделяет душой справедливой, неравнодушной. По-крестьянски хозяйствует на земле этот старый, тяжело раненный еще в гражданскую войну человек, тянет колхоз, лучший в районе, и думает без подсказок со стороны, а порой вопреки им о пользе и выгоде не для себя лично — ему от этого одни неприятности,— а для страны, для людей.

Их антиподом предстает в фильме Полипов — мелкий, завистливый интриган; Ю. Смирнов, надо полагать, жгуче ненавидит подобных людей и потому делает его особенно страшным. Он лепит натуру подлую, лживую, хотя внешне персонаж благообразен, умеет произвести нужное впечатление, владеет собой. Не случайно сын Кружилина, молодой журналист, в какой-то момент поверил его словам больше, чем делам отца. Честолюбивые амбиции Полипова всегда оборачиваются бедой для окружающих.

Фильм строится последовательно во времени, зрителю известны и мотивы поведения и сам факт предательства, но артист прочно удерживает интерес к его существованию на экране. «Вредный для жизни человек»,— говорит о нем Панкрат Назаров. И эту черту особенно заостряют авторы картины.

Сложный мир человеческих взаимоотношений проходит перед зрителями. Фильм ничего не приукрашивает, не сглаживает углов. Три брата Савельевых — три разных мира; и один из них, Федор, оказывается чужим для всех. В. Спиридонов не навязывает своей трактовки. Черная, злобная душа его персонажа, развращенная юношеским желанием кафтановского богатства, притаилась в мрачной глубине недоброго взгляда, в уголках тонких, искривленных, плотно сжатых губ. Мы чувствуем, что у него внутри идет

какая-то разрушительная работа, иссушающая сердце, полное холодного цинизма. И оголтелые метания Федора, начиная с бредовой идеи быть кафтановским зятем, а потом — в ослеплении кровной мести и зависти к младшему брату — стать партизаном,— все от дикого, звериного нрава. Не за идею он борется, нет, только чтобы свести счеты. Даже на фронт воевать с фашистами идет не защищать Отечество, а ради утверждения задетого самолюбия.

Никого не любит Федор и бежит от себя, от близких. Значился передовиком, трактористом, стал полицаем; вот закономерный для него финал.

Младший брат — Иван — противостоит Федору всем строем своей светлой и чистой личности. Так он задуман писателем, и так осуществляют его постановщики ленты. Исполняющий эту роль Н. Иванов сдержан, достоверен. Он рисует образ скупыми, но выразительными средствами, избегая излишней чувствительности, которая вполне могла бы здесь возникнуть и тогда поставила бы под угрозу саму идею — воплощение широты и мужества русского человека. Мы постигаем его душевные силы, достоинство, сохраненное в немалых испытаниях, умение терпеть и верить и нежность, которая не погасла с годами. Но всегда лучистые глаза артиста становятся ледяными, когда к нему, теперь уже председателю колхоза, приходит сын Панкрата, Максим Назаров, сломанный фашистами в плену концлагерей, и просит принять его и спрашивает, как жить дальше.

Если Федора мы воспринимаем чужеродным не только в семье Савельевых, но прежде всего в жизни нашего общества, то корни Ивана — в характере первого из братьев, Антона. Самоотверженное служение революционным идеалам для него единственно возможная форма существования, и подвиг, который совершил Антон (его играет В. Хлевинский), чтобы спасти завод ценою собственной жизни,— в логике его поступков.

А вот крутой поворот в мировосприятии Анфисы на первый взгляд кажется неожиданным. Но если вдуматься в цепочку предшествовавших ему событий, предстает последовательным и убедительным.

Кажется, не было в актерской судьбе Т. Семиной более сложной и более волнующей сцены, чем эпизод на вокзале, когда она ждет и ищет среди искалеченных войной своего мужа. Эта беспутная Анфиса, с влажной поволокой в глазах, нещадно, открыто изменявшая Инютину, став солдаткой, осознает вдруг неведомую ей прежде ответственность жены. «Я мужа буду ждать»,— говорит она Федору. И ждет, как ждали тогда все,— терпеливо, с надеждой, со страхом.

Трудно даже сказать, чтó играет Т. Семина там, на железнодорожных путях Новосибирска, когда в стужу серого зимнего дня наконец находит безногого, жалкого, спившегося Кирьяна. Но то, что она делает, потрясает. В эти минуты актриса возводит свою героиню в ряд русских женщин, которые делили с мужьями суровую долю.

В фильме нет проходных ролей, слабого исполнения. С серьезностью и глубиной мастерства актеры воплощают на экране жизненные, запоминающиеся образы, и решения, которые они предлагают, теперь уже видятся единственно возможными.

Непросто, наверное, было А. Роговцевой прожить за несколько серий жизнь Анны. Совсем юная, дерзкая с отцом-самодуром, смелая и решительная в поступках, романтически-взволнованная в любви. Молчаливая, погасшая от несбывшихся надежд, жестоко обманувшаяся в любимом... И Анна-мать, старенькая, ссохшаяся, убитая свалившимся на нее горем. Она ждет сына с войны и верит, и не верит, и все же надеется. И когда мы видим ее, слабую, беспомощную, на берегу моря, на месте гибели Семена, сердце щемит от жалости к ней, ко всем нашим состарившимся матерям. Мы чувствуем, как болит, как кровоточит сердце Анны, и думаем, что хотя бы в одном судьба не обошла ее: сын пошел не в отца, искупив, сам того не ведая, вину Федора. Погиб, спасая от смерти жен и детей норвежских антифашистов...

Много невзгод пережили герои фильма. Некоторые не выдержали, сломились. Другие, и их большинство, не очерствели душой, не замкнулись на собственных бедах, доверившись вечному зову добра и правды...

Успех фильма определен прежде всего его литературной первоосновой, сценарием, созданным Анатолием Ивановым по его же книге.

Все зло, которое писатель видит в жизни, он отдает на суд зрителей, свято веря, что высший смысл трагедии — в очищении искусством.

Когда большой роман выходит на телевизионный экран, для него начинается новая жизнь, обогащенная четким режиссерским видением, актерским наполнением художественных образов. Точное ощущение телевизионного кадра, специфики воздействия малого экрана достигнуты в совместной работе писателя, режиссеров, операторов. Это тот счастливый случай, когда автор книги становится желанным участником ее воплощения в телекартине.

Пятнадцать лет работает вместе этот съемочный коллектив, и давнее творческое содружество стало подлинным союзом единомышленников. Вместе они создавали телефильмы «Тени исчезают в полдень» (также по книге Анатолия Иванова), «Отец и сын», где писатель сделал сценарий по роману Георгия Маркова.

Настоящей премьерой «Вечного зова» стал для всей съемочной группы последний показ, когда фильм шел целиком. Так уж получилось, что до этого им не пришлось увидеть все части сразу.

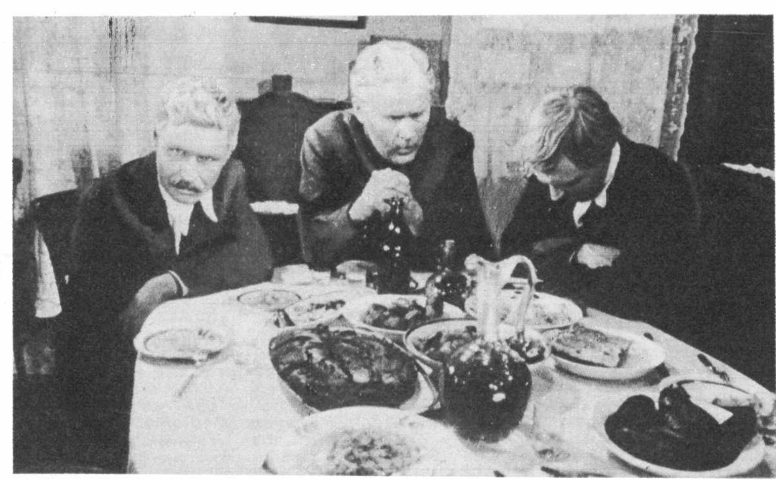
И дальше они собираются работать вместе. Впереди — планы нового сериала, посвященного Ермаку, первопроходцу Сибири.

А пока «Вечный зов» прочно завоевывает телеэкраны в разных странах мира. Его демонстрировало афганское телевидение. Только что закончился показ картины в Болгарии и начался в Польше.

Проблемы, затронутые в этой телеэпопее, поиск нравственных ценностей волнуют людей повсюду.

Жизнь фильма продолжается.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

Кадр из фильма: встреча братьев.

Яков Алейников — В. Бирюков.

Ольга — Л. Шаповалова.

Иван Савельев — Н. Иванов.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

ЮНОСТЬ БОЕВАЯ

Я хочу рассказать о своем дедушке Романенко Николае Ефимовиче, участнике Парада Победы.

Когда началась Великая Отечественная война, ему не было шестнадцати лет. С первых дней на фронт ушли его старшие братья и сестра. К нам на Пятигорье шли эшелоны с ранеными и эвакуированными. Тревожные вести приносило радио. Несколько раз мой дед ходил в военкомат, просил, умолял отправить и его на фронт. Но не взяли, был еще молод.

Когда в нашем селе Винсады, что на Ставрополье, появились гитлеровцы, они стали вводить «новый порядок». За малейшее неповиновение грозили смертью. Клуб и школу превратили в конюшни. Силой гнали людей на работу. Собранный урожай куда-то отправляли.

Лютой ненавистью возненавидел этих непрошеных хозяев мой дед. И как только Красная Армия выгнала их, он ушел на фронт. После короткой учебы его направили на передовую связистом.

Боевое крещение дедушка получил под станицей Крымской. А потом во многих еще боях принимал участие: освобождал Новороссийск, Таманский полуостров.

— Первого ноября наши войска начали форсировать Керченский пролив,— вспоминает дедушка.— На море бушевал шторм, средств переправы не хватало. Шли тяжелые бои. В течение дня много раз враг переходил в контратаку. Но нам все же удалось пробиться к Керчи и соединиться с 56-й армией.

Без связи невозможен успех боя, и мой дедушка прополз весь Крымский полуостров, налаживая связь. За освобождение Севастополя был награжден медалью «За отвагу», и ему было присвоено звание сержанта.

Затем его часть была направлена в Восточную Пруссию. Фашисты построили здесь мощную систему укреплений, множество огневых точек, отрыли сотни километров траншей, противотанковых рвов, установили железобетонные надолбы.

В разгар боев за Кенигсберг дедушка стал коммунистом. Он был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За взятие Кенигсберга».

24 июня 1945 года мой дед был удостоен чести участвовать в Параде Победы в Москве. Он шел в колонне 3-го Белорусского фронта.

Демобилизовался Николай Ефимович в апреле 1950 года. Он осваивал целинные земли родного Ставрополья, за что был награжден медалью.

В настоящее время он работает слесарем в гараже города Лермонтова, награжден медалью «За трудовую доблесть» и многими грамотами.

Ежегодно в День Победы к дедушке приезжают однополчане. Они вспоминают боевые годы, поют фронтовые песни. Моего дедушку часто приглашают в нашу школу. Он рассказывает ученикам о фронтовых товарищах и своей боевой юности.

Роман **РОМАНЕНКО**

с. Винсады, Ставропольский край.

КИНО

КЛАРА ЛУЧКО: МОИ БУДУЩИЕ РОЛИ

Миллионам телезрителей памятна киноактриса Клара Лучко в роли Клавдии Пухляковой из четырехсерийного фильма «Цыган». Недавно писатель Анатолий Калинин предложил читателям «Огонька» новые страницы истории Будулая.

— Может быть, зрителей ожидает телеверсия этого произведения?

— С радостью отвечу,— говорит Клара Степановна,— что в скором времени творческая группа во главе с режиссером Александром Бланком приступит к работе над новым четырехсерийным фильмом «Возвращение Будулая». Я давно полюбила свою Клавдию за мужество, целеустремленность и верность; сжилась с ее тревогами, заботами. Трудная судьба у Клавдии... Впрочем, когда она легка, женская доля?.. Каждая женщина по-своему любит и страдает, ждет и надеется!.. После демонстрации фильма на студию и к исполнителям пришли тысячи писем. И почти каждый спрашивал: что будет дальше с героями? Вот и настало время ответить.

В последние годы мне довелось играть разные роли: у каждой героини — своя судьба, свой характер. Это Нуйкина в телефильме «Мы, нижеподписавшиеся», Мадлен Лакар («Ларец Марии Медичи»), председатель исполкома горсовета («Тревожное воскресенье»). Сейчас я буфетчица Тоня в новой ленте «Прежде чем расстаться». И, как всегда, переживаю чувство сродни тому, что испытываешь на вокзале, провожая доброго друга в дальнюю дорогу. Должно быть, жизнь героини становится частицей твоей души.

Продолжаю работать в телевизионном фильме «Из жизни Лиды Крякиной» (режиссер Мария Моат), где моя героиня — Юлия Михайловна — не из тех женщин, что приятны во всех отношениях... Но ведь и это мне интересно: новый характер.

А вскоре состоится встреча с маляром Аглаей в фильме «Жил отважный капитан». Место действия — Северный флот; съемки будут проходить в Архангельске... Аглая — образ, совершенно неожиданный для меня. По виду все повидавшая, разбитная бабенка, а по сути несчастная, обделенная судьбой женщина. Ее бравада — скорее самозащита, завеса от посторонних взглядов. Но зритель, надеюсь, поймет и Аглаю.

М. ПЕТРОВ

ИНТЕРЕСНЫЙ АЛЬМАНАХ

Можно ли считать открытием то, о чем было уже известно, но очень немногим, а теперь объявлено всем? Можно ли считать первооткрывателем того, кто сделал э т о — по тем или иным причинам незнаемое или запамятованное — достоянием многих? Безусловно.

Так считают организаторы устного альманаха «Поиски. Находки. Открытия», который каждый раз собирает в Центральном Доме художника полный зал. Какие же открытия совершены альманахом, которому от роду нет и полугода, что поведал он своим слушателям и зрителям? А разве не открытие чудесная, невиданная ранее архитектура самодеятельного зодчего Арменака Хачатряна, который собственными руками строит под Баку «Дом счастья» (о нем рассказал художник С. Бархин), разве не открытие в самом высоком смысле спасенные и показанные реставратором А. Грековым шедевры фресок XIV века церкви Спаса на Ковалеве в Новгороде, творчество забытых старинных живописцев Ивана Тарханова и Павла Колендаса, находка неопубликованных писем Блока, Есенина, хранящихся в архиве русского советского поэта Сергея Городецкого?..

Придумал этот альманах и увлекательно ведет его художник-реставратор, заслуженный деятель искусств РСФСР Савелий Ямщиков. Вечера в Доме художника действительно необычны и чрезвычайно содержательны — настолько, что ЦТ показало (и впредь собирается показывать) один из них в прошедшей недавно передаче «В нашем доме», и миллионы телезрителей наверняка не пожалели о тех проведенных у экрана сорока пяти минутах.

В передаче С. Ямщиков рассказал о портретах пушкинской поры — акварелях, ранее разбросанных по фондам десятков различных музеев и собранных теперь в прекрасно изданный альбом; известный археолог, член-корреспондент АН СССР В. Янин обернулся неожиданной для нас стороной — крупнейшим коллекционером старых граммофонных записей, и мы услышали великолепные голоса абсолютно забытых ныне певцов начала XX века Марии Куренко и Владимира Розинга; вернисаж альманаха представил украинских художников Марию и Федора Приймаченко.

Раскрылась тут и такая страница: Игорь Стравинский и фольклор. Лауреат Всероссийского конкурса исполнителей народной музыки, певица Тамара Смыслова исполняла русские песнопения XVII века и романсы Стравинского, и слушатели могли реально убедиться, откуда черпал свое вдохновение один из самых сложных композиторов современности. И это было тоже открытие...

Олег **САВОСТЮК**,
народный художник РСФСР

Хивинские шедевры

Город Хива издавна славится шедеврами самобытного народного искусства. Это родина Рузмета Машарипова, виртуоза кирпичной кладки и облицовки зданий керамикой. Работа хивинца Ата Палванова — резная деревянная колонна — в 1937 году удостоена золотой медали на Международной выставке в Париже. Резьба по ганчу хивинского умельца Абдуллы Балтабаева, оформлявшего интерьер Ташкентского театра оперы и балета имени Алишера Навои, отмечена Государственной премией. Центральная часть Хивы, ее сверкающие майоликой минареты, купола, арки,— музей под открытым небом. Жители этого города с детства окружены уникальными образцами красоты, воспитывающими тонкий художественный вкус. Хивинские товары народного потребления имеют отличие, то самое «чуть-чуть», которое выделяет работу мастера, пусть и безымянного...

В этом секрет успеха изделий, например, Хивинского художественно-керамического завода: блюд для плова, глубоких снежно-белых мисок для шурпы или каши-шавли, узорчатых пиалушек для зеленого чая... Здесь производится почти восемьсот наименований изделий, в том числе и сувенирных, более чем на полмиллиона рублей в год.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

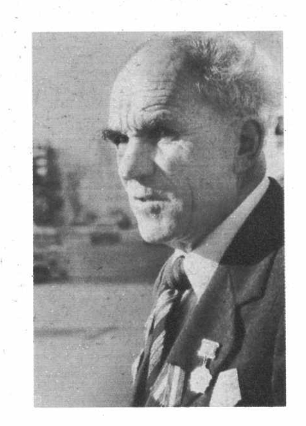

Н а с н и м к е: художницы живописного цеха Х. Маткаримова и М. Сапаева.

Фото Р. Джуманиязова

Михаил ЩУКИН

Это было в Пхеньяне

На календаре значился август тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года. Небо было чистым и безоблачным. Ровно гудели турбины, и под крылом современного лайнера скоро должен был показаться Пхеньян — столица Корейской Народно-Демократической Республики. Самолет летел специальным рейсом. В удобном кресле сидел пожилой человек с лицом русского крестьянина. Привычным жестом поправлял он пустой правый рукав костюма и подолгу задумывался. Бывший младший лейтенант Советской Армии, ныне житель села Травное Доволенского района Новосибирской области, Яков Тихонович Новиченко летел в Пхеньян по приглашению правительства КНДР. Летел на свидание со своей боевой молодостью. Чтобы скрыть волнение, он иногда заговаривал с женой Марией Евменовной, сыном Иваном и дочерью Раисой — они были с ним вместе в этой поездке,— но разговор не получался, он сам иногда обрывал его на полуслове и снова задумывался. Память уносила в прошлое, в тот день, когда на календаре значилось 1 марта тысяча девятьсот сорок шестого года...

...В Пхеньяне проходила многотысячная демонстрация, посвященная первой годовщине национального восстания. Флаги, транспаранты, радостные лица — все сливалось в яркую, торжественную картину народного праздника. На трибуне стояли руководители Северной Кореи, представители советского военного командования, а перед ними текла и текла людская река. Рядом с трибуной находился и младший лейтенант Новиченко. Радовался, глядя на праздник, и даже не предполагал, что мимо него проходили в эти минуты не только друзья, но и враги, которые люто ненавидели молодую народную власть.

Все, что произошло потом, заняло считанные секунды, одно мгновение. Из толпы демонстрантов бросили гранату. Бросили точно и выверенно — она летела прямо на трибуну, где стоял Ким Ир Сен. Сейчас... удар, взрыв, и случится непоправимое. Младший лейтенант Новиченко сразу увидел гранату. Он действовал, как в бою, стремительно и бесстрашно. В прыжке перехватил гранату, и она показалась ему неимоверно тяжелой, потому что в ней, кроме железа и заряда, была еще и смерть. Отбросить нельзя — кругом люди. И тогда, зажав гранату в руке, он упал на землю, гася разрушительный взрыв своим телом. Мостовая густо окрасилась кровью.

Очнулся Новиченко в госпитале. Каждую клеточку тела пронизывала боль. Чтобы не стонать, он изо всех сил сжимал кулаки, еще не зная, что половины правой руки у него нет. Не знал и о том, что сотни корейцев в эти дни приходили в госпиталь, приносили подарки, предлагали свою помощь, кровь для переливания, говорили о том, как они восхищены подвигом советского офицера. Не знал Новиченко и о том, что награжден орденом Государственного Знамени третьей степени и что дожидается его необычный подарок — портсигар с дарственной надписью от Ким Ир Сена. Пройдут годы, и этот портсигар займет почетное место в музее боевой славы Сибирского военного округа. А рядом — фотография героя. Но все это случится потом, спустя много лет, а сейчас младший лейтенант, запеленатый в бинты, лежал на госпитальной койке, и в те минуты, когда отпускала жуткая боль, он думал о своей судьбе, которая с малых лет испытывала его на прочность.

Без отца он остался совсем маленьким — тот погиб в первую мировую войну. И полной мерой пришлось Яше познать неласковую долю бедняцкой семьи. В конце двадцатых годов в селе Травном, или, как его называют местные, в Травнях, организовали коммуну. Сообща жить стало полегче, веселее, но настигло новое несчастье: умерла мать. И остался мальчишка за хозяина. Пас коров, косил сено, пахал землю, убирал урожай — все делал, что нужно в крестьянской работе. И в трудностях незаметно, исподволь складывался тот особый сибирский характер, который и в труде и в бою поможет преодолеть любые напасти.

Время подходило грозное, и так получилось, что Якову Новиченко чуть не из-за свадебного стола пришлось уходить в армию. А на плечи Марии Евменовны легла извечная тяжесть русской женщины — ожидание. Работа, и ожидание, да редкие праздники, когда почтальонша не проходила мимо, а заворачивала в дом и приносила солдатское письмецо. Восемь лет пришлось жить этими короткими весточками.

Молодой, расторопный солдат Новиченко приглянулся командованию, его направили в школу младших командиров, а после успешного окончания ее — на Дальний Восток, где нашим границам постоянно угрожала Квантунская армия Японии. Срок его службы подходил к концу, и он уже, как говорится, собирал нехитрые солдатские пожитки, готовясь к отъезду домой, когда грянула Великая Отечественная...

Как и многие его товарищи, Новиченко писал рапорт за рапортом с одной просьбой — отправить на Западный фронт. Но резолюция на этих рапортах была тоже одна — отказать. Отказать потому, что империалистическая Япония лишь выжидала удобный момент для нанесения удара. И приходилось быть в постоянной готовности, чтобы отразить этот удар, и нужны были железные нервы, чтобы не поддаться на провокации. Эта изматывающая служба тянулась изо дня в день, из года в год. Службу несли, как на острие отточенного лезвия. А приказ один — огня не открывать.

И наконец-то в победном сорок пятом пришел другой приказ — перейти границу. Под ударами советских войск по швам затрещала Квантунская армия. Храбро воевал сибиряк Новиченко, первым шел на трудные задания, первым поднимал бойцов в атаку. За участие в боевых действиях против Японии его наградили медалью «За боевые заслуги». А после того, как самураи подписали акт о капитуляции, Новиченко вместе со своей частью оказался в Пхеньяне.

...Лечили Якова советские и корейские врачи. Они сделали все, чтобы спасти младшего лейтенанта. Молодость и искусство врачей победили. В те дни, казалось, наполненные только одной болью, Якову Тихоновичу особенно запомнилась милая женщина, майор медицинской службы, которая всегда находила для него ободряющее, ласковое слово, поддерживала веру в собственные силы. Почти через сорок лет, когда Якову Тихоновичу будет присвоено звание Героя Труда КНДР, когда о нем и о его подвиге напишут во многих газетах, он получит небольшое письмо из Тамбова от бывшего майора медицинской службы Нины Константиновны Багрянцевой: «Уважаемый Яков Тихонович! Помните ли вы меня? Я вас хорошо помню...» Он дочитает до конца коротенькое письмо и сморгнет с ресниц слезу. Как же... такое не забывается, ни доброе слово, ни доброе дело.

Он встал на ноги, вернулся домой, в родные Травни. А там дочка подросла, которую он еще ни разу не видел, в школу бегает. И пошла дальше простая, земная жизнь, пошли дети, а потом и внуки. Шесть детей вырастили Яков Тихонович и Мария Евменовна, а сейчас их старость тешат одиннадцать внучат — ни дать ни взять целое солдатское отделение под командой доброго и ласкового деда.

До самого ухода на пенсию Яков Тихонович работал в родном селе, был заготовителем, председателем сельского Совета, заместителем директора совхоза по хозяйственной части. И какую бы работу ни исполнял, к любой относился по-крестьянски обстоятельно и честно. По-иному он просто не мог.

...Самолет заходил на посадку. Еще из иллюминатора Яков Тихонович увидел на аэродроме много людей и даже не мог предположить, что эти люди пришли встречать именно его, бывшего младшего лейтенанта Советской Армии. Да, именно для этого пришли сотни трудящихся Пхеньяна, пришли, чтобы выразить свою искреннюю благодарность и восхищение подвигом Якова Тихоновича Новиченко. Память о подвиге, если он совершен во имя людей, не может исчезнуть ни в памяти отдельного человека, ни в памяти целого народа.

Где бы ни появлялся Яков Тихонович Новиченко в дни своей поездки в Корейскую Народно-Демократическую Республику, везде его встречали улыбки, уважение и радушие. Его фотографии не сходили со страниц местных газет, ему посвящались специальные передачи телевидения, его принимал Генеральный секретарь ЦК Трудовой партии Кореи, Президент КНДР Ким Ир Сен.

— Запомнится мне эта поездка на всю жизнь,— говорит Яков Тихонович.— Так много удалось увидеть, узнать, но все-таки самое главное впечатление — это душевная открытость корейского народа, который так же, как и мы, хочет жить в мире. А мир нужно защищать совместными, общими усилиями.

После того, как Яков Тихонович вернулся из Корейской Народно-Демократической Республики, ему часто приходится выступать в школах, в институтах, в учреждениях, и везде его слушают с огромным удовольствием. Он рассказывает о прожитой жизни. Нелегкой она была, как и жизнь всего его поколения, но в то же время и прекрасной.

...Внимательно вглядываюсь в его лицо, мудрое и усталое, слушаю бесхитростный рассказ, замечаю, как он привычным жестом, смущаясь, поправляет пустой правый рукав серенького пиджака, и наконец-то начинаю понимать, почему в начале нашего разговора ко мне пришло это странное чувство: показалось, что я давно знаю этого человека. Но ведь видимся-то мы впервые! Теперь я понял: люди, прошедшие через горнило войны, не раз лицом к лицу встречавшиеся со смертью, все чем-то очень похожи друг на друга. Есть в них особая надежность, особое достоинство и особая скромность. И эти свойства характера как магнитом притягивают к себе людей нового поколения, учат их мужеству и верности. Надо было видеть, какими глазами смотрели на Якова Тихоновича Новиченко молодые солдаты, пришедшие на встречу с ним в музей боевой славы Сибирского военного округа. И подумалось: эти ребята, если от них потребует время, смогут быть такими же, как их отцы и деды.

Подвиг милосердия

Ю. ПЕСИКОВ

Эта фотография была напечатана в 1923 году в 22-м номере «Огонька». На снимке — группа ребят, которые в 1921 году были эвакуированы из голодающего Поволжья в Чехословакию. И спустя два года они вернулись домой, в Советский Союз. Автор публикуемого репортажа пошел по следам давнишнего снимка.

После долгих поисков в архивах мне попалась синяя папка, на которой каллиграфическим почерком выведено: «Дети». И дата — «1921 год». В папке много документов. Мое внимание привлекли телеграммы с грифом: «Голодная». Во многих документах я прочел слово, давно исчезнувшее из нашего лексикона,—«Помгол».

В двадцать первом году почти пятая часть населения страны, 23 миллиона, голодала. Но в особенно тяжелом положении оказалось Поволжье. Ленин призвал весь народ прийти на помощь волжанам. «Пусть весь рабочий класс, как один человек, встанет, чтобы залечить тяжкую рану Поволжья»,— писал Владимир Ильич. Своим землякам, делегатам XII уездного съезда Советов Симбирского уезда, В. И. Ленин сообщал: «...Советской властью принимаются самые спешные и решительные меры к оказанию помощи пострадавшим от неурожая. Повсеместно объявлены сборы... Образован при ВЦИК специальный комитет помощи голодающим. Такой же комитет образован для получения помощи хлебом из-за границы... Делаем все возможное».

В августе 1921 года В. И. Ленин обратился к международному пролетариату: «Требуется помощь. Советская республика рабочих и крестьян ждет этой помощи от трудящихся, от промышленных рабочих и мелких земледельцев».

Ленинский призыв встретил широкий отклик. Во многих странах развернулись кампании по сбору средств для голодающих Поволжья. Это движение пролетарской солидарности возглавили коммунистические партии. Компартия Германии собрала 1 миллион 300 тысяч марок и на миллион марок продуктов. Много денег собрали голландские, итальянские, норвежские, австрийские, польские, испанские коммунисты. В Чехословакии было собрано 7,5 миллиона крон и на два миллиона крон продуктов. В газете «Руде право» 30 июля 1921 года было напечатано воззвание Компартии Чехословакии к трудящимся страны. В нем, в частности, говорилось:

«Докажите свою пролетарскую солидарность делами! Помочь может каждый! Помощь может быть оказана различными путями: сбором денег, хлеба, медикаментов, передачей часового или дневного заработка голодающим рабочим и крестьянам, страдающим пролетарским детям... Помощь может быть оказана путем предоставления приюта детям русских рабочих и крестьян!»

Чехословацкие коммунисты предложили: пусть трудящиеся на год-два примут голодающих детей в свои семьи.

Вскоре правительство РСФСР решило эвакуировать в Чехословакию 600 детей из Поволжья. В договоре между правительствами РСФСР и Чехословакии, под которым стоит подпись председателя ВЦИК РСФСР М. И. Калинина, предусматривалось: «...Для наблюдения за жизнью и воспитанием в Чехословакии эвакуированных русских детей Российское правительство назначает 3—4 представителей, которые образуют при Российской дипломатической миссии в Праге педагогическое бюро. Указанные представители пользуются правами членов дипломатической миссии, и, кроме того, ...им предоставляется право свободного беспрепятственного передвижения по территории Чехословакии, право посещения школ и семей, где будут воспитываться эвакуированные дети. Педагогическое бюро выезжает в Чехословакию одновременно с эвакуированными детьми и в том же поезде. Дети эвакуируются на срок не менее одного года».

4 декабря 1921 года со станции Симбирск отошел поезд особого назначения. В Чехословакии ребят из голодающего Поволжья тепло встретили и сразу же разместили в Чехии, Моравии, Словакии.

В газете «Известия ВЦИК» в 1923 году была напечатана статья «Русские дети в Чехословакии». Вот строки из этой статьи: «По прибытии из России... после ряда воззваний в чешских газетах дети были розданы опекунам, т. е. гражданам Чехословакии, изъявившим согласие принять на содержание русских детей. Большинство из опекунов — 40 процентов — крестьяне, учителей 6 процентов, остальные рабочие... лица свободных профессий и т. д.

...По заявлению детей, отношение опекунов к ним было самое хорошее. Сами же опекуны характеризовали свое отношение к детям «как к собственным». В изучении чешского языка русские дети проявили исключительную способность, через два месяца после прибытия уже говорили великолепно».

Ребята возвращались на Родину группами. Первая — в 1923 году, вторая — через год, третья — еще два года спустя. На огоньковском снимке запечатлена первая группа ребят, вернувшихся из Чехословакии. Я попытался разыскать их, встретиться с ними.

«МЫ ПОМНИМ ТЕБЯ, НИКОЛЯ!»

... В мае сорок пятого к небольшому ресторану, что при вокзале города Пардубице, подъехала грузовая машина. Из кабины выскочил шофер, советский солдат, и торопливо направился в ресторан.

— Здесь работал дядюшка Вацлав, Вацлав Ледецки?— взволнованно спросил солдат.

Официант недоуменно посмотрел на него:

— Вы знали Вацлава Ледецки? Откуда?

— Я жил у него в двадцатых годах. Давно это...

Солдат не успел договорить. Официант обнял его, воскликнул:

— Так это ты, Николя!

— А вы меня помните?

— Как же тебя не помнить? А Вацлав Ледецки умер... Вот бы он обрадовался!

Об этой трогательной встрече я услышал недавно от самого Николая Павловича Миронычева. В 1921 году он, тогда шестилетний, был эвакуирован из Симбирского села Солдатская Ташла в чешский город Пардубице. Там он неожиданно заболел. Его положили в больницу, ухаживали за ним, лечили. В больнице к нему наведывался незнакомый человек. Когда Коля выздоровел, тот пригласил его к себе домой. Это и был Вацлав Ледецки, работавший в небольшом ресторане. Он стал опекуном шестилетнего мальчика, которого все называли здесь «Николя».

В Отечественную войну боец мотоштурмовой инженерно-саперной бригады Николай Павлович Миронычев освобождал Украину,

Н. П. Миронычев. Пардубице. 1945 год.

Белоруссию, прошел с боями пол-Европы. После окончания войны часть, где он служил, стояла в Вене. И когда ему дали задание отвезти в Германию груз, шофер попросил разрешения у командира по пути заехать в Пардубице, повидаться с чехами, давними своими друзьями.

В Пардубице официант из ресторана помог ему разыскать сыновей дядюшки Вацлава — Рудольфа и Вацлава, с которыми дружил маленький Николя. Было о чем поговорить, что вспомнить.

Демобилизовавшись, Н. П. Миронычев долгое время работал шофером, сейчас на пенсии. Недавно я встретился с ним в Саратове. Он не забыл чешский язык: читает, понимает, когда говорят по-чешски.

«Я БЫЛА ВОСЬМОЙ В СЕМЬЕ»

Николай Павлович Миронычев помог мне узнать адрес Валентины Яковлевны Шепелевой. Я получил от нее письмо, в котором она вспоминала чешских друзей.

«В 1921 году мама после долгих раздумий, сомнений дала согласие на мою поездку. В семье нашей было трое детей, причем самый младший брат родился вскоре после смерти отца. Матери тогда было чуть больше 20 лет. Нелегко было молодой вдове в голодный год прокормить троих детей да еще старушку мать. Вот и согласилась она скрепя сердце отпустить меня в дальний путь.

Но перед самым отходом поезда произошел курьез. Какие-то знакомые убедили ее, что я могу не вернуться домой. Она приехала на вокзал и тихонько взяла меня из вагона. Но буквально за пять минут до отправления поезда воспитательница спохватилась и увидела, что меня нет. Кинулась искать и обнаружила меня в санях, рядом с вагоном. Подбежала к матери, стала уговаривать ее отпустить дочку, заверяла, что со мной ничего не случится, что я вернусь благополучно домой. И мать со слезами на глазах решилась (теперь уже окончательно) на мой отъезд.

Вот так я и уехала в далекие края. Нас было много, и у всех — детский интерес, куда же нас везут. Говорили, туда, где кушать можно будет досыта. В Чехословакии нас встречали с музыкой, цветами. Через несколько дней я стала жить в рабочей семье, в поселке Лизны. Семья эта была большая —7 человек, но я, восьмая, оказалась не лишней. Фамилия их — Ондрачковы. Все трудоспособные члены семьи работали на текстильной фабрике в Брно.

Бабушка с дедушкой стали терпеливо учить меня говорить почешски. Когда научилась понимать чешский язык, отдали в школу.

Дедушка требовал от меня, чтобы я раз в неделю писала письма своей матери в Симбирск. Я подружилась с его дочерью Филой. Она ходила со мной в гости к подруге Марии Элиловой, которая хорошо знала русский язык.

Как-то дедушка Иосиф дал мне и Филе деньги и послал нас на базар — купить сласти. Продавец взял у Филы деньги и вручил ей кулек с конфетами, пряниками, потом дал мне конфеты, печенье, но деньги взять отказался.

— У русской девочки я не возьму ни одной кроны,— твердо сказал он.

Два года пролетели быстро. Когда я уезжала в Советский Союз, меня провожали все Ондрачковы.

С тех пор прошло много лет... Старшая моя дочь окончила сельхозинститут, была агрономом. Потом окончила Высшую партийную школу, сейчас — на партийной работе. Вторая дочь — технолог. А сын — мастер на стройке. У меня уже есть внуки. Я часто показываю им снимки дедушки Иосифа, Филы Ондрачковой, ее жениха, рассказываю про своих чешских друзей».

МАМИЧКА И ДРУГИЕ

В списке детей, эвакуированных в Чехословакию, под № 91 значится «Милонова Тоня, 13 лет». Рядом ее брат — «Милонов Сережа, 11 лет».

Антонину Захаровну Милонову я разыскал в Москве. Вместе с ней мы рассматривали старые снимки из семейного архива и обнаружили там снимок, запечатлевший Тоню и Сережу в двадцать первом, накануне отъезда из Симбирска. Вот что рассказывает Антонина Захаровна:

— В Чехословакии мы с Сережей жили в небольшом городке Росице. Жили у разных людей. Меня приютила крестьянская семья. Хозяин давно умер, и главой семьи была пожилая женщина, Мария, добрая, ласковая. Она заменила мне маму, я ее так и называла — мамичка.

Когда я переступила порог дома Кроуповых, меня встретил старший сын мамички — Ярослав. Широко улыбаясь, он по-русски спросил:

— Русские блины любишь? Хочешь, испеку?

— А вы знаете наш язык?— спросила я.

Он ответил, что еще в 1916 году, в первую мировую войну, попал в плен, жил у нас в русской деревне, крестьяне к нему хорошо относились, угощали блинами и научили их печь.

В школе, где я училась, у некоторых ребят родители были членами Коммунистической партии Чехословакии. Они очень гордились этим, расспрашивали меня о нашей жизни.

Однажды в Росице приехали артисты из Советского Союза. Мамичка взяла меня с собой на концерт. Артисты исполняли русские народные песни, и после концерта я всю ночь не спала, потянуло домой.

В 1923 году я вернулась в Симбирск — провожало меня все семейство, им очень не хотелось расставаться со мной.

В Симбирске я окончила среднюю школу. Позднее поехала в Москву, где получила педагогическое образование. С тех пор и живу постоянно в Москве. Теперь я уже бабушка.

Мой брат Сергей стал специалистом по лесному делу. Работал далеко, на Севере, в глухих, таежных лесах. В Отечественную войну с боями прошел Украину, Белоруссию, освобождал города и села Чехословакии. К сожалению, он не дожил до наших дней...

Не так давно Национальный комитет Росице пригласил меня в гости. Встречали тепло, как родную, встречали все Кроуповы, все жители городка. Увы, бабичку, мамичку, ее старшего сына Ярослава я не застала в живых.

Я побывала в Росице на кладбище, где похоронены советские воины, погибшие при освобождении городка от фашистов в 1945 году. Там всегда лежат живые цветы.

Целый день я ходила по городку — узнавала и не узнавала его. На горе рядом со старым школьным зданием — новый корпус школы-девятилетки. Построены Дворец культуры, стекольный завод, большая пекарня. Когда я шла по Росице, ко мне подходили пожилые люди: они помнили русскую девочку с Поволжья.

Антонина Захаровна Милонова делает запись в книге почетных гостей города Росице. 1976 год.

Тоня и Сережа Милоновы. Симбирск. 1921 год.

6.

Начало на стр. 8.

ТАМ, ГДЕ ПРАВИТ КАПИТАЛ

Италия — одна из стран, где социальные контрасты, противоречия между нищетой и богатством проступают особенно ярко. Обездоленных, нищих можно увидеть на улицах любого итальянского города (фото 7). В Риме, например, по одной из последних переписей, помимо 60 тысяч эмигрантов не имеют постоянного жилья 20 тысяч мужчин и женщин. Время от времени в газетной хронике сообщается, что в том или ином квартале найден труп человека. В медицинском акте, составляемом в подобных случаях, указываются причины смерти: переохлаждение, недоедание...

Отчаяние, вызванное невозможностью найти работу,— удел многих и в «благополучной» ФРГ (фото 11). Сверкающие витрины магазинов не для него...

* * *

Преступность была и остается одной из острейших проблем капиталистического мира. Словно раковая опухоль, разрастается она, давая все новые метастазы. Вот один лишь факт: по данным официальной американской статистики, ежегодно в США исчезает из дому от 1,3 до 1,8 миллиона детей— многие из них похищаются злоумышленниками и пропадают бесследно, как, например, сын супругов Коллинз (фото 10), который пропал в Сан-Франциско несколько месяцев назад.

Основные усилия полиции направлены, однако, не на борьбу с организованной преступностью. Защита интересов власть имущих — вот главная забота блюстителей порядка. Здесь их изобретательность поистине бес-

7.

8.

9.

предельна. В Великобритании, к примеру, недавно с большой помпой было продемонстрировано одно из «чудес» новейшей карательной техники — автомобиль «АМАК-1». На его крыше установлены гранатометы и мощный водомет. Бронированные стенки, находящиеся под напряжением 8 тысяч вольт, и решетки на лобовом стекле надежно ограждают экипаж и десять вооруженных полицейских, способных вести огонь через специальные бойницы в бортах; инфракрасный прибор позволяет вести боевые действия в полной темноте, а пуленепробиваемые шины обеспечивают безостановочное движение.

А этот снимок (фото 8) вполне мог бы стать символом полицейского произвола. Башмак стража порядка и наручники — картина, стандартная для многих стран Запада.

* * *

«Whites only» — только для белых. Отнюдь не ушли в прошлое эти слова. Пользуясь откровенным попустительством, а зачастую и прямым пособничеством властей, все более активно, открыто и нагло действуют члены ультраправой террористической организации ку-клукс-клан (фото 12). Они развернули широкую кампанию по пропаганде своих человеконенавистнических идей и вербовке новых членов. По данным, которые приводит американская печать, с конца 70-х годов численность клана значительно возросла. Особенно заметно преступная деятельность расистов активизировалась с приходом к власти администрации Рейгана. Курс Белого дома на разжигание оголтелого шовинизма и милитаризма, его откровенно расистская политика как нельзя более отвечают целям этих мракобесов в белых балахонах.

Апартеид — еще одна форма расизма. Власти ЮАР кровавыми репрессиями пытаются сбить накал антирасистских выступлений, охвативших нынешней осенью практически всю страну. Несмотря на запрет, в Йоганнесбурге, Претории, Кейптауне прошли массовые манифестации студентов и школьников, протестующих против сегрегации (раздельного обучения) в системе высшего и среднего образования в стране (фото 9).

* * *

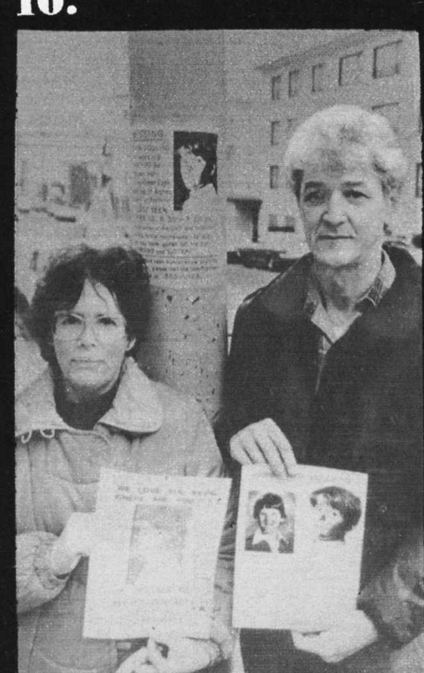
Массовыми антивоенными выступлениями были охвачены в осенние дни нынешнего года районы ФРГ, в которых проходили крупнейшие за весь послевоенный период маневры дислоцированных там британских войск. В них участвовала 131 тысяча военнослужащих из состава английской рейнской армии, а также вооруженных сил ряда других стран — членов НАТО. «Прекратить военные игрища!», «Нам нужна работа, а не ракеты!» — с такими требованиями вышли манифестанты на улицы Хильдесгейма, небольшого городка близ Гановера (фото 6).

Фото Камера-пресс — АП — ЮПИ — АДН — ДПА — ТАСС, газеты «Сан», журналов «Шпигель», «Штерн», «Ньюсуик»

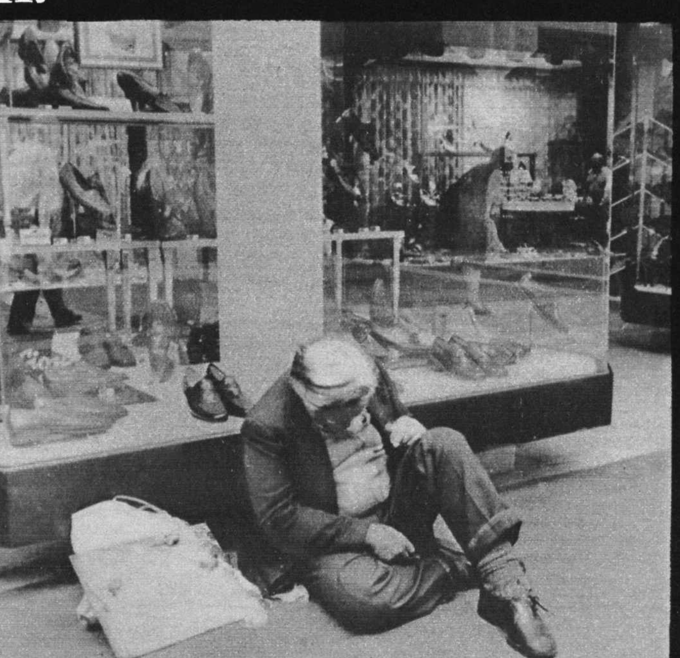
12.

10.

11.

Владимир ДУНАЕВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»

МЫ ПРОДОЛЖИМ БОРЬБУ

Склонились над столом головы английских мальчишек и девчонок. Предстоит ответственная работа. Только что они получили письмо советского школьника Владислава Романова из далекого сибирского города Братска. Он узнал, что на берегу Черного моря отдыхают семьи английских горняков, и вот шлет им письмо от имени своих школьных товарищей. Ребята восхищаются мужеством английских шахтеров, внимательно следят за их борьбой. Обращаясь к своим сверстникам из Англии, Владислав пишет: «Нам очень хотелось бы помочь вам. Напишите, и мы сделаем все, что в наших силах».

Ответ писали коллективно, шумно обсуждали каждое предложение. «Что же вы ответили Владиславу, если не секрет?» — спросил я. «Мы написали,— сказала Шерон Берд,— что нам здесь очень хорошо, о нас заботятся, а повара научились готовить английскую пищу. Для нас организовали дискотеку, и по вечерам слушаем музыку».

...Более семи месяцев продолжается забастовка английских шахтеров, ведущих мужественную борьбу за право на труд и достойную жизнь. В своей борьбе они не одиноки. С ними трудящиеся Англии, с ними рабочие других стран. Помощь братьям по классу идет из СССР и Франции, Австралии и Соединенных Штатов, из других стран. Проявление такой братской помощи — решение Центрального комитета профсоюза рабочих угольной промышленности Советского Союза пригласить на отдых в нашу страну группу бастующих горняков и членов их семей.

...Черноморский курорт Пицунда. Здесь, среди реликтовых сосен на берегу голубой бухты, выстроились в ряд семь четырнадцатиэтажных корпусов. В одном из них с символичным названием «Маяк» разместилась группа английских горняков.

Мы приехали в Пицунду, когда наши гости из Англии собирались в путь-дорогу, домой. Поэтому первым вопросом было, как им здесь отдыхалось. «Фантастика!» — часто слышали мы в ответ. Что ж, то, что для нас, советских людей, кажется естественным и привычным, для них удивительно и даже фантастично. Тред-юнионы Англии, говорили нам шахтеры, ничего подобного не имеют в своем распоряжении.

«Фантастика» началась с открытия, с открытия страны, которую многие из них попросту не знали и правду о которой буржуазная пресса старается всячески исказить. Джон Томпсон, забойщик с двадцатилетним стажем, откровенно заметил: «До приезда сюда я видел карту Советского Союза. Там было только два города: Москва и Ленинград. Остальное — белые пятна».

Многие англичане мало знают о нас. Но для шахтеров, отдыхающих в Пицунде, «белые пятна» стали исчезать. Они познакомились с реальной жизнью советских людей. Школьницу Шавет Уотсон, голубоглазую, с букетиком веснушек на носу, я встретил в вестибюле дома отдыха... Мне было интересно, кого из русских писателей знает эта четырнадцатилетняя девочка. Она простодушно ответила, что в школе им ничего не говорили о русской советской литературе. «Ну а что ты знаешь о кровопролитной войне с гитлеризмом, 40-летие Победы над которым мы будем отмечать в следующем году?» «Я знаю, что главное событие второй мировой войны — это «битва за Англию»: бомбардировка фашистами Лондона, Ковентри и других городов». О том, что победа над фашистской Германией была бы невозможна без сражений под Москвой, Сталинградом и Курском, она не имела ни малейшего представления. Шавет говорит: «Теперь для меня все, что связано с вашей страной, очень интересно, и, когда я приеду домой, я буду собирать все о Советском Союзе».

Пребывание шахтеров Англии в нашей стране было насыщено самыми разными встречами с советскими людьми. Были встречи в Сочи с отдыхающими там советскими горняками, поездка на шахты подмосковного угольного бассейна, где проходили митинги солидарности, запомнилась поездка к школьникам поселка Леселидзе. И в знак благодарности за дружественный прием англичане организовали прощальный концерт для советских людей, отдыхающих в Пицунде.

Смотришь на английских горняков, и как-то не верится, что всего несколько дней назад они стояли в пикетах, вели бесстрашную борьбу с полицией и штрейкбрехерами. Общенациональная забастовка шахтеров стала крупнейшим социальным конфликтом в послевоенной Англии. В поддержку шахтеров выступили докеры и железнодорожники.

Забастовка началась 9 марта в знак протеста против намерения правительства тори закрыть два десятка «убыточных» шахт и обречь на безработицу двадцать тысяч горняков. Как же настроены шахтеры, не сломлена ли их воля к борьбе? Об этом я попросил рассказать Джона Инки Томсона, члена Исполкома национального союза горняков.

— Единственным результатом этой забастовки должна быть только победа, иного решения мы не видим. Ведь чаще всего забастовки возникают из-за требования рабочих повысить им заработную плату, улучшить условия труда. В данном случае мы ведем борьбу не только за сохранение наших рабочих мест. Идет борьба против антинародной политики кабинета Тэтчер, против политики «увеличения доходов немногих за счет ухудшения положения большинства». Мы ведем борьбу за будущее наших семей, за те идеалы, которые были заложены еще со времени организации нашего профсоюзного движения. Прави-

Прощальный концерт английских горняков.

В Пицунде.

тельство тори лишило нас самых элементарных человеческих прав, в крайне тяжелом положении находятся сейчас жители наших шахтерских поселков, в квартирах нет ни электричества, ни газа. Тори бросают против нас отряды полицейских. Несколько наших товарищей погибли при пикетировании шахт, две тысячи ранены, только в нашем районе Йоркшире арестовано шесть тысяч забастовщиков. И несмотря на это, мы полны решимости продолжать борьбу.

В разговор вступает жена Джона Кристина, элегантная, стройная женщина. У них сын пятнадцати лет. Она домохозяйка, но в курсе дел забастовщиков и во всем поддерживает своего мужа. Она говорит, как трудно стало вести хозяйство:

— Пятнадцать фунтов и тридцать восемь пенсов в неделю — это единственное пособие, которое мы сейчас получаем. На это и живем. Восемь фунтов восемьдесят три пенса мы платим за аренду квартиры. Остальное идет на питание. Сорок три пенса стоит батон хлеба. А нам нужно два батона в день. Нетрудно понять, что тори пытаются задушить нас голодом. Шахтеры будут продолжать забастовку. У нас нет другого пути, мы должны победить.

Джон — человек решительный, крепко сложенный, с небольшой бородкой. Он больше похож на шкипера. Родом из Ливерпуля. Он, как и все его родственники, связан с профсоюзным движением. Его родители были докерами и принимали активное участие в деятельности профсоюза. Он же стал горняком на одной из шахт в Йоркшире, работал в забое. Рабочие делегировали его в качестве представителя от профсоюза шахты защищать их интересы перед администрацией предприятия. Вот уже больше десяти лет, как горняки отдают ему свои голоса, доверяя Джону во всем.

— Я впервые в Советском Союзе,— говорит Джон,— и увезу на родину наилучшие впечатления: гостеприимство и сердечность советских людей. Мне посчастливилось побывать на митинге солидарности в Подмосковном угольном бассейне. И должен вас уверить, что, несмотря на языковой барьер, мы хорошо понимали друг друга. Мне трудно найти слова, которые выразили бы чувство благодарности и восхищения нашим товарищам по труду во всем мире, прежде всего в Советском Союзе, которые оказали нам не только моральное сочувствие, но предоставили и материальную поддержку, посылая нам продовольствие, одежду, медикаменты. Людей, работающих под землей, роднит и объединяет специфика их работы. И рабочая гордость. Нас поддерживают шахтеры во всем мире, так как наша длящаяся более семи месяцев забастовка — это прежде всего защита достоинства рабочего человека.

С руководителем группы английских шахтеров, отдыхающих в Пицунде, членом Исполкома национального союза горняков Дереком Ривзом и его женой Бетти мы встретились в их номере на одиннадцатом этаже. Из окна было видно безмятежное море и сизая дымка над ним.

— Местные жители сказали мне,— говорит Дерек,— что, когда в горах выпадает снег, наступает хорошая погода. Смотрите, вершины покрыты снегом. Здесь все очень красиво и спокойно, но там, в Йоркшире, остались многие мои товарищи и, поверьте, хочется побыстрее снова быть рядом с ними. Я должен сказать, что все мы расцениваем свое пребывание в Пицунде как подарок. Ведь в Англии бастуют тысячи горняков, а сюда приехали 150 человек, среди которых наши жены и дети. Так что обладателями счастливого билета оказались немногие.

Дерек Ривз впервые принял участие в забастовке, когда ему было 16 лет. И он тогда уже понял, что только совместной борьбой можно добиться каких-то уступок от предпринимателей.

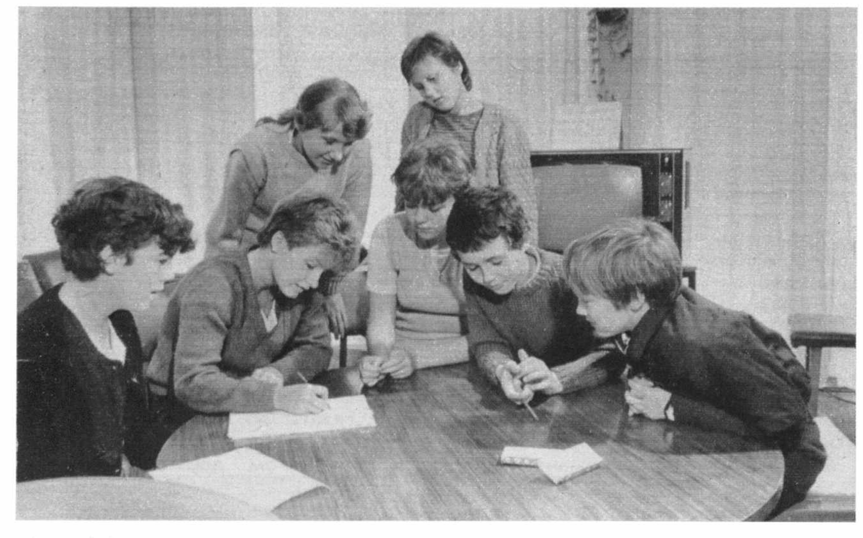
— Я думаю, что нынешнюю забастовку в определенном смысле мы уже выиграли, так как доказали, что нас не так-то просто сломить. Добьемся мы и окончательной победы. В своей борьбе мы едины, хотя есть, конечно, и штрейкбрехеры. В Англии штрейкбрехеров называют «скэбами». Их всегда охраняет сильный полицейский эскорт. «Скэбы» открыто поддразнивают забастовщиков насмешками и выкриками: «У меня в кармане деньги, а что там у тебя?»

Тэтчер пыталась расколоть забастовщиков изнутри, повлиять на некоторых колеблющихся, но это ей не удалось. Тогда она через судебные инстанции попробовала заставить нас капитулировать. Нас обвинили в том, что мы-де бастуем «незаконно». Но ведь совершенно очевидно, что в обход закона действуют власти! Наши предложения таковы: необходимо расширять отрасль, а не сокращать ее. Шахты могут быть закрыты лишь при условии истощения запасов. Угольная корпорация заявляет, что она закроет шахты ввиду их неэкономичности. Мы ответили, что теми методами, которыми они управляют отраслью, можно сделать любую шахту неэкономичной. Мы хорошо знаем политику правительства тори: наиболее прибыльные отрасли промышленности денационализировать и отдать в руки частного бизнеса. Но это у них не пройдет.

Дерек улыбается жене и говорит: «Если бы не наши верные жены, мы, конечно, не смогли бы держаться так долго. Ведь они несут все тяготы вместе с нами, участвуют в пикетах наравне с мужчинами. Бетти работает добровольно в центре приготовления пищи для бастующих шахтеров. В Йоркшире 50 таких центров. Любой шахтер и члены его семьи могут пойти туда и поесть».

— Для меня эта забастовка стала большим испытанием,— рассказывает Бетти.— Каждый день в центре приготовления пищи нас ожидают 250 голодных людей, надо их накормить. Но вдруг неожиданно гаснет свет, и мы не можем что-либо сделать. Но, несмотря на все трудности, нас не покидают оптимизм и юмор, они помогают нам в трудные минуты.

— Недавно мы побывали в Сочи,— продолжает Дерек Ривз,— там в парке мы делали прививки на дереве дружбы. Это очень символично. Ведь через три года на этом дереве появятся первые плоды. Тогда я не успел сделать запись в книге отзывов, а вот сейчас я бы сказал так: «Надо любить людей и делать им добро. Ваша помощь неоценима. Она помогает нам продолжать трудную борьбу, и мы этого никогда не забудем».

Английские дети отвечают на письмо школьника из Братска.

Они подружились.

Схватка

Василий ЧИЧКОВ

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

На экране вспыхнула широкая панорама у скалистого мыса Караумилья. Океанские волны опрокинули корабль. Он лежал сейчас на боку, словно подбитая птица. Журналисты с фотоаппаратами на груди и блокнотами в руках стояли на берегу, расспрашивая капитана Артамонова.

На экране появился молодой человек с микрофоном в руке.

— Я веду репортаж с места событий,— сказал он.

— Кто это?— спросил адмирал.

— Это Суарес из телевизионной компании «Новедадес».

— Все газеты,— продолжал Суарес,— сегодня вынесли на первую полосу сообщение о катастрофе советского корабля «Пролетарий». Официальная версия такова: русские везли оружие, хотели выгрузить его и налетели на рифы. Кто выпустил эту длинношеюю утку на страницы газет, я не знаю... Но то, что на корабле не было никакого оружия,— это факт. Вы, конечно, спросите меня, почему я так уверенно говорю об этом. Убедитесь сами! На корабле были два представителя нашей страны. Сеньор Санчес из института рыбного хозяйства и сеньор Ортеба. Откуда бы вы думали?.. Из управления безопасности.

Адмирал встал с кресла и резко сказал адъютанту:

— Позовите майора Мартинеса.

Ледук прохаживался по кабинету, не спуская глаз с экрана телевизора.

— Когда советские моряки покинули корабль,— продолжал Суарес,— на нем побывали какие-то таинственные люди с автогенными горелками. Может, спустились марсиане?— Суарес озорно улыбнулся, обнажив ровные белые зубы.— Эти марсиане разрезали автогеном железные переборки. Они, наверное, искали оружие.— Суарес сделал внушительную паузу.— Но нашли ящики с пустыми консервными банками... Я могу пояснить, для чего эти банки. Чтобы делать консервы и кормить наш народ. Меня, конечно, сейчас видят те, кто устроил эту операцию с советским кораблем. Я посоветовал бы вечерним газетам не отставать от утренних. Дать заголовок покрупнее. Есть вполне подходящий: «Операция «пустые банки»...

Адмирал выключил телевизор и сел за стол. Он снова прочитал подчеркнутые места в сводке печати. Но вдруг вспомнил насмешливый голос телевизионного комментатора Суареса... «Операция «пустые банки».

Вошел майор Мартинес и поздоровался.

— Садитесь, майор,— кивнул адмирал.

— На корабле оружия нет,— начал майор.— Все облазили. Были вскрыты железные переборки коффердама. На корабле только ящики с консервными банками.

— Операция «пустые банки»,— с усмешкой произнес адмирал.

— Но газеты дали нужную нам информацию,— продолжал майор.

— Что стоит эта информация!— сказал адмирал.— Вечерние газеты опротестуют ее.

— У вечерних влияние меньше,— продолжал майор.— Тираж слабенький.

— В нашей работе, майор, оптимисты, как правило, не увенчиваются лаврами,— недовольно бросил адмирал и стал раскуривать потухшую сигару.— Вы видели телевизионный репортаж? Комментатор телевидения во всеуслышание сказал, что на корабле был Ортеба из управления безопасности.

— Этим болтунам комментаторам глотку не заткнешь,— сказал майор.— Они делают свой бизнес.

— Если бы вы нашли на корабле оружие, ни один болтун не посмел бы открыть рот,— строго сказал адмирал.

— Но оружия на корабле не было.

— Надо было его подбросить, майор. Неужели вы своим умом не могли дойти до этого простого решения?— Адмирал встал из-за стола.

— В нашем городе нет советского оружия,— ответил майор.— Это я точно знаю.

— Послали бы людей в столицу.

— Я не уверен, что там есть такое оружие,— оправдывался майор.— А в нашем распоряжении было всего несколько часов.

— Заранее надо было все предвидеть!— Адмирал подошел к столу и стряхнул пепел сигары в пепельницу.

— Значит, идти на прямую провокацию?

— Да, майор! Если это в интересах страны и нашего народа, приходится не брезговать провокацией. Эти русские проникают в нашу страну. Ах, вам нужны ясли? Пожалуйста! Школа? Пожалуйста! Рыбу ловить? Пожалуйста! Завод железобетонных конструкций — тоже можем построить. И все это на льготных условиях, а то и даром.

— Пролетарская солидарность.

Адмирал прошелся по кабинету.

— Мне часто приходит такая мысль. В западных странах официально разрешена компартия. Она есть и в Соединенных Штатах. А в России почему-то нет проамериканской партии.— Адмирал сделал паузу и посмотрел на майора.— Значит, русские ведут борьбу против нас нечестно. Почему же мы должны работать в белых перчатках? Любым способом вы должны получить подтверждение, что на советском судне было оружие. Найдите свидетеля.— Слова адмирала прозвучали как приказ.— Завтра утром или в крайнем случае послезавтра утренние газеты должны напечатать его заявление.

Майор понял, что разговор окончен, и встал.

— Надеюсь, свидетеля вам найти легче, чем советское оружие!— заключил адмирал.

Майор шел по длинному коридору, размышляя. «Можно, конечно, найти какого-нибудь подонка, заплатить ему, и он заявит, что видел, как русские выгружали оружие в ту ночь, когда судно стояло в порту, или сбрасывали ящики с оружием в море. К услугам такого рода людей разведка не раз прибегала. Но это палка о двух концах. Журналисты — дотошные люди. Захотят встретиться со свидетелем, раскопают истину, и тогда... новый скандал».

Майор вошел в кабинет, сел за стол, откинулся на спинку кресла и побарабанил пальцами по столу. Ему пришла новая мысль. «А что, если прижать этого русского эмигранта Новогородского? Пусть он скажет, что видел, как русские во время рейса сбрасывали в воду ящики с оружием. Пусть журналисты лезут в воду и ищут там эти ящики».

Майор поднял телефонную трубку и набрал номер Ортебы.

— Зайдите,— сказал майор.

Повесив трубку, он опять испытал дурное предчувствие, которое почти не покидало его в последнее время.

В кабинет вошел Ортеба. Он, как всегда, был весел, от него исходил аромат дорогого лосьона «Хатрик». Лейтенант без приглашения сел в кресло, вынул сигарету, щелкнул газовой зажигалкой с красиво выгравированными инициалами и закурил.

— Вы, лейтенант, сделали только полдела,— сказал майор.

— Для другого такие полдела могли бы украсить целую жизнь,—ответил Ортеба.

— Операция «пустые банки»! — едко бросил майор.

— В мою задачу входило проверить, есть ли на корабле оружие,— снова заговорил Ортеба.— Я проверил. Его нет.

— Адмиралу нужно, чтобы оно было.

— Очень даже интересно,— сказал Ортеба и пустил колечком дым.— Адмирал не сказал, какое там находилось оружие? Пушки, танки или что-нибудь маленькое, пистолеты, например?

— Даже если бы вы смогли доказать, что там был ящик с пистолетами,— майор поддержал шутливый тон Ортебы,— адмирал остался бы доволен.

— Значит, нужен свидетель!— сказал Ортеба.

— Вы далеко пойдете, лейтенант.— Майор удивился проницательности Ортебы.— Читаете мысли начальства. Я думаю, нам стоит заняться Новогородским. Если на него покрепче нажать — он все подпишет.

— Грош цена свидетелю-эмигранту! Всякий эмигрант — сволочь,— сказал Ортеба.— И, кроме чувства брезгливости, он у порядочных людей ничего не вызывает. Советское посольство тут же сделает заявление, и мы будем в дерьме.

— Я понимаю,— согласился майор.— Эмигрант — «товар» не первосортный.

— Прежде всего надо подключить к делу прокурора,— сказал Ортеба.— Авария произошла у наших берегов. Пусть он допросит всех. Законное право прокурора. Это протянется день, другой, газеты об этом напечатают. И вот еще что!— Ортеба вынул из кармана тетрадку в коричневом дерматиновом переплете и полистал ее.— Я сумел прихватить дневник старшего помощника капитана,— сказал Ортеба.— Он, по-моему, еще и комиссар на корабле. Так вот, этот самый старпом пишет о матросе Алексее Панове: «Не знаю, зачем берут в загранку таких. Панов — парень явно аполитичный, хотя и учился в университете. На политзанятиях сомнительные вопросики подбрасывает. На любой случай у него анекдот имеется. На команду действует отрицательно». Как вам это нравится?

— Советские люди непостижимы.— Майор вздохнул.— То, что на их языке аполитичный, на нашем — это просто ангел.

— Но ведь некоторые у них покидают Родину,— сказал Ортеба.— А может, этот моряк тоже мечтает о свободной жизни?

«Голова у Ортебы работает,— подумал майор.— У меня возникла идея получить признание эмигранта. А у этого бандита мысль сработала еще лучше. Советский моряк заявляет, что на корабле было оружие. И все в большом порядке».

— И с чего вы думаете начать?— спросил майор.

— Сначала надо их направить к прокурору. Припугнуть капитана, старпома, штурмана и этого мальчика. А там посмотрим.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 42—44.

— Хорошо,— согласился майор.— Я позвоню прокурору.

Медведев проснулся поздно. Голова была тяжелая, и мысли все те же — горькие. Они приходили не только наяву, мучили его и во сне. И если наяву это были конкретные мысли, то во сне было что-то несуразное, фантастическое. Вдруг накатывались огромные волны или с неба летели каменные глыбы, а бежать нет сил... Штурман просыпался в холодном поту, лежал с открытыми глазами и казнил себя за все, что произошло.

Медведеву хотелось заглянуть вперед, найти хоть какой-то выход из создавшегося положения, чтобы облегчить свои страдания. Но увы! Его фантазия рисовала лишь прилет в Шереметьево, вопросы встречающих. Ну, а потом разбирательство по всей строгости советского закона...

В комнату вошел Артамонов. Он вяло кивнул Медведеву и сел. Штурман посмотрел на капитана и подумал о том, что беда не красит человека. За два дня Артамонов постарел лет на десять. Под глазами набухли мешки, у уголков рта залегли морщины. Артамонов по-стариковски облокотился на колени и некоторое время сидел уставившись в пол.

Медведев тоже молчал, понимая состояние капитана.

— Ну что, тебе полегче стало? — наконец спросил Артамонов.

— Теперь легче не станет! — ответил Медведев, не глядя на капитана.

— Сговорились они против нас,— продолжал капитан.— В трех спасательных фирмах был. Глухо! Не хотят браться. А волны бьют корабль. Вот-вот развалится... Новый корабль. Только на воду спустили.

— Я за все в ответе! — в сердцах произнес штурман.

— Что теперь беду делить... Я!.. Ты!.. Был новенький корабль, и его нет.

В комнату вошел Стариков. Закрыв дверь, он сказал:

— С этим Пановым просто беда. Нигде найти не могу.

Артамонов посмотрел на Старикова, и так как мысли его были далеко, там, у скалы Караумилья, то не сразу понял, о чем идет речь.

— Ночью у него в номере была девушка,— продолжал Стариков. — Портье сказал, что он ушел вместе с ней час назад. Донжуан!

— Какая девушка? — спросил Артамонов.

— Наша, советская...— вмешался в разговор Медведев.— Работает переводчицей в строительной бригаде.

— Советские тоже бывают шлюхами,— бросил Стариков.

— Ну, это ты зря! — сказал Артамонов.— Приличная девушка.

— Я вас не понимаю, Дмитрий Сергеевич,— с горячностью произнес Стариков.— Мы попали в сложную политическую обстановку. Вместо того, чтобы отправить Панова на траулер, вы оставляете его в отеле.

— Нам нужен был один матрос для поездки к месту аварии.

— Но почему Панов? У нас матросов много! Есть более надежные, чем этот недоученный журналист.

— Панов говорит по-английски,— не сдавался капитан.

— С пятого на десятое,— со злой усмешкой бросил Стариков.— Оставив девушку в номере, Панов нарушил инструкцию. Это во-первых. И во-вторых, администрация отеля запрещает оставлять в номерах женщин на ночь. Это не публичный дом!

— За нарушение инструкции мы его накажем,— спокойно сказал капитан.

— Любят они друг друга,— вмешался в разговор Медведев.— Вы посмотрели бы на нее, когда она вошла ко мне в номер. На ней лица не было. И спросить боится об Алексее.

— Все эти мелодрамы допустимы дома, Федот Ильич.— Стариков говорил жестоко, со злостью.— А здесь отвечать за любовные приключения матроса Панова придется нам, в частности, мне. Поэтому я докладываю вам, Дмитрий Сергеевич, как появится Панов, я его отправлю на траулер.

— Отправляйте,— согласился капитан и подумал о том, что Старикова, видимо, не тронула трагедия, которая случилась на море. У него не болит сердце оттого, что корабль лежит на боку и вот-вот океанские волны разломят его на две части. Его больше волнует проступок Панова. Ну, конечно, за аварию корабля он отвечать не будет, а за Панова вдруг спросят.

В дверь резко постучали.

— Войдите,— сказал капитан.

Вошел полицейский в чине сержанта и оставил дверь открытой. В коридоре стояли еще два полицейских и Новогородский.

— Кто капитан? — спросил сержант.

Новогородский перевел вопрос, хотя мог бы и сам показать полицейскому капитана.

Артамонов устало поднялся.

— Я прислан прокурором республики,— сказал сержант.

— Наверное, это ошибка,— ответил капитан.— Я советский гражданин.

— Авария вашего корабля произошла в наших водах.— Сержант вынул из кармана список и прочитал:— Артамонов, Стариков, Медведев и Панов.

— Я должен связаться с консулом.— Артамонов направился к телефону.

Сержант положил руку на телефон.

— Я буду протестовать,— сказал Артамонов.

— У прокурора протестуйте.— Полицейский твердо стоял на своем.— Мне приказано привезти вас к прокурору... Хорхе, Луис! — крикнул сержант.

В комнату вошли полицейские. Артамонов смерил их взглядом. Полицейские были не ниже метра девяноста, да еще обязательно спортсмены.

Полицейские выяснили у Новогородского, кого из названных людей здесь нет.

— Где Панов?

— Не знаю,— ответил Артамонов.

— В каком номере живет? — напирал сержант.

— В четыреста двадцать девятом.

— Хорхе,— бросил сержант,—приведи сюда Панова.

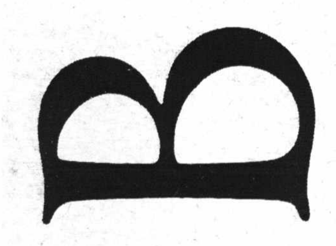

Когда Хорхе ушел, Медведев сказал:
— Вышвырнуть их из комнаты. Запереть дверь, и пусть ломятся.
— Не забывайся. Мы в чужой стране,— сказал Стариков.
Артамонов молчал, лихорадочно думая о том, что же предпринять. Наконец он обратился к Новогородскому:
— Переведите сержанту. Пока я не свяжусь с консулом, мы никуда не пойдем.
Сержант внимательно выслушал Новогородского и ответил:
— У меня есть приказ привести вас к прокурору. Не в тюрьму и не на виселицу. Поэтому стоит ли скандалить?
— Мы иностранцы! — сказал Артамонов.
— Но не дипломаты.— Сержант посмотрел на Артамонова, Медведева и Старикова и добавил: — Не стоит терять время, капитан. У меня есть приказ, и я должен его выполнить.
Возвратился Хорхе и доложил капитану:
— В номере четыреста двадцать девятом никого нет.
— Где Панов?— снова спросил сержант.
— Не знаю,— ответил капитан.— Да он и не нужен. Я поеду к прокурору один.
Новогородский перевел слова капитана.
— Вы, очевидно, человек не военный,— сказал сержант, обращаясь к Артамонову.— Не знаете, что такое приказ. Поэтому давайте не будем терять время. Собирайтесь. Да побыстрее! Я еще раз спрашиваю вас, где Панов?
В этот момент Алексей вышел из лифта и направился по коридору в свой номер. Увидев полицейского, он поначалу не придал этому значения. Но вдруг до него донеслись слова: «Собирайтесь да побыстрее!» Он узнал голос Новогородского. «Где Панов?»
Алексей хотел рвануться к открытой двери номера, где жил Медведев. Но что-то вдруг остановило его. Он шагнул к двери ближайшего номера, в которой торчал ключ. Вошел и увидел женщину в лифчике и трусах. Она делала зарядку, старательно разводя руки в стороны. Увидев Алексея, женщина негромко вскрикнула, схватила с кровати ярко-голубой халат и прижала его к груди, будто Алексей хотел отнять у нее этот халат.
Алексей приложил палец к губам. Наверное, женщина разразилась бы громкими ругательствами и, может быть, выставила Алексея вон, но дверь вдруг открылась и на пороге появился полицейский.
Алексей бросился к женщине, которая еще не успела надеть халат, и прижался к ней.
— Извините,— сказал полицейский и ушел.
Женщина отвесила Алексею пощечину и ушла в ванную комнату.
Алексей слышал, как полицейские провели по коридору Артамонова, Старикова и Медведева. Он хотел выйти из номера, но опять его удержала какая-то сила. То ли это был страх, то ли какое-то другое чувство.
Алексей отодвинул занавеску на окне и осторожно выглянул. Во дворе стоял небольшой крытый грузовик с мигалкой на крыше. Рядом полицейский «форд» ярко-желтого цвета.
Первым из отеля вышел Артамонов, следом за ним Стариков, он вел под руку Медведева. Полицейский открыл задние двери полицейской машины и жестом предложил морякам занять места.
У входа толпились официанты и служители отеля. Останавливались прохожие, спрашивая, почему арестованы эти люди. Полицейский захлопнул дверцу. Сержант пока что не появлялся, он говорил по телефону из кабинета управляющего отелем.
— Ортеба,— сказал сержант.— Мы взяли этих русских, но один скрылся.— Сержант заглянул в бумажку и добавил: — Панов.
— Именно он нам и нужен! — с досадой крикнул в трубку лейтенант.
— Портье сказал, что этот Панов вошел в отель минут пять назад. Но мы его не нашли.
— Поставьте у входов и выходов охрану,— приказал Ортеба.— Я сейчас приеду со своими людьми. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы он добрался до консульства или на советский траулер «Сибиряк».
— «Сибиряк» мы отогнали от причала. Он на рейде,— сказал сержант.
— Русские могут вплавь добраться до Огненной Земли,— со смешком сказал Ортеба.— Я сейчас приеду. А вы везите русских к прокурору.
— Слушаюсь!
Сержант оставил двух полицейских. Одного — у входа в отель, другого — у ворот подземного гаража, который размещался в подвале, куда можно было спуститься из холла по лестнице. А сам сел рядом с шофером и повез моряков к прокурору.

Лейтенант Ортеба подъехал к отелю минут через десять после того, как он говорил по телефону с сержантом. Вместе с ним были Варас, Мехью и два солдата. Полицейский, дежуривший у входа, доложил:
— Из отеля русский не выходил.
Ортеба поставил одного солдата у грузового лифта, другого у пассажирских. Сам вместе с детективами отправился на верхний этаж, где размещался ресторан.
Ортеба был очень доволен создавшейся ситуацией. «Если бы этот парень был вместе со всеми, надо было бы ломать голову... А тут, пожалуйста, арестовывай его как заблудшую овечку. А там нажмем, припугнем — подпишет...» В душе Ортебы уже теплилась надежда на успех.
Алексей, конечно, не предполагал, что стал центром игры, что за ним охотится сам лейтенант Ортеба. Он размышлял довольно просто: «Всех арестовали. Надо сообщить в консульство». Алексей решил выйти из отеля черным ходом, чтобы не попасться на глаза портье. Он прошел по коридору, но лестницы не оказалось. Было три лифта: два пассажирских и один грузовой. Алексей нажал кнопку грузового лифта и спрятался за высокую корзину на колесиках, в которую горничные собирали грязное белье из номеров.
Лифт остановился, открылись двери. Алексей выглянул из-за корзины и увидел в лифте официанта с подносом в руках. Когда официант уехал, Алексей снова вызвал лифт. На этот раз в лифте никого не было. Он вошел и нажал кнопку нижнего этажа.
Двери открылись, и Алексей увидел солдата. Алексей торопливо ткнул пальцем в кнопку верхнего этажа.
— Стой! — крикнул солдат.
Дверцы закрылись, и лифт медленно пополз вверх. Солдат с силой жал кнопку, пытаясь остановить лифт, но безуспешно.
Грузовой лифт привез Алексея на кухню верхнего ресторана. Двери открылись, и Алексей увидел повара и его помощницу, которые стояли у длинного белого стола и резали овощи. Алексей вышел из лифта и нырнул в дверь, которая была рядом с лифтом.
Повар и девушка не успели еще прийти в себя, когда на кухне появился детектив Мехью и спросил:
— Никого подозрительного не было?
Повар пожал плечами, продолжая работать. На щеках девушки вспыхнул румянец, и она отвернулась.
— Если появится русский моряк,— продолжал детектив,— сообщите в администрацию.
Детектив отправился к Ортебе, который сидел за столиком в ресторане.
— Солдат не мог остановить лифт,— сказал Мехью.
— Стрелял бы, ломал бы его. Идиот! — зло бросил Ортеба.
— Никуда он не денется,— успокоил детектив Ортебу.— Будем гонять его по этажам, как зайца, и поймаем.
— Ты оставайся здесь,— приказал лейтенант детективу.— Два солдата пусть начинают осмотр этажей снизу, а я сверху.
Алексей, не двигаясь, стоял за дверью. Это была небольшая кладовка, из которой не было другого выхода. Алексей слышал слово «русский» и понял, что его разыскивают.
«Зачем я убежал?» — этот вопрос снова вдруг встал перед ним. Ответить на него он не мог. «Ну, зачем, зачем я убежал от своих? Зачем вошел в этот номер к женщине, которая чуть не лишилась дара речи. Я же не преступник. Я ничего не совершил!» Алексей чувствовал себя в ловушке и не знал, как быть. Он осмотрелся. В кладовке стояла корзина с мусором, несколько ящиков с бананами, в углу валялись пустые банки. Алексей вспомнил воробья, который однажды зимой залетел в открытую форточку. Поймать его было очень трудно, он летал под потолком, бился со всего лёта в стекло. На мгновение падал и снова взлетал. Алексей бегал по комнате с полотенцем в руках. И как только воробей садился на шкаф или на люстру, он махал полотенцем, и воробей снова стремился к свету и со всего лёта ударялся в стекло. И когда у воробья уже не было сил, он забился в угол. Алексей взял его и почувствовал, как дрожит его тельце. Алексей горько усмехнулся, представив себя в роли того воробья. Как он ни пытался мысленно найти выход из создавшегося положения, найти его он не мог. Сейчас повар скажет полицейским, откроется дверь — и все...
Но между поваром и девушкой шел разговор, который Алексей не мог предугадать.
— Это тот самый русский, которого ищут,— сказала девушка.
— Пусть ищут,— спокойно ответил повар, продолжая свою работу.— Русские моряки кормят наш народ рыбой. Их благодарить надо!
— Но он не может стоять в кладовке все время,— шепотом сказала девушка.— А вдруг в кладовку заглянет Энрике?
— Это верно! — все так же спокойно и рассудительно ответил повар.— Энрике любит выслуживаться перед властями. Ты вот что: дай этому парню халат и поварской колпак. Пусть оденется и возьмет ящик с бананами. Поедешь с ним в лифте. Выйдите на нижнем этаже и сразу по лестнице в гараж. Там есть выход на улицу.
— А если заметят? — спросила девушка, и в глазах ее появилось беспокойство.
— Ну, если, если! Иди и не бойся! — успокоил повар.
Девушка вошла в кладовку и протянула Алексею белый халат и колпак. Она что-то негромко говорила, но Алексей не понимал ее. Ему было ясно одно — ему протягивали руку помощи.
Алексей надел халат, поварской колпак, взял ящик с бананами, на который указала девушка, и вышел из кладовки. Повар весело посмотрел на него и улыбнулся, показав большой палец. Алексей шагнул вслед за девушкой в грузовой лифт, который тотчас медленно пополз вниз. И вскоре остановился на нижнем этаже. Алексей держал ящик на плече, загораживая им лицо.
— Добрый день, сеньор,— с улыбкой сказала девушка.
— Добрый день,— ответил солдат.
— Не хотите ли банан? Прекрасный сорт, королевский! Попробуйте.
— Мне не до этого!
— Что случилось? — спросила девушка, округлив свои большие черные глаза.
— Ловим советского шпиона! — шепотом сказал солдат и, сделав серьезное лицо, подмигнул девушке.
Пока девушка говорила с солдатом, Алексей вышел из лифта и направился к выходу. Ему было все равно, к какой двери идти, лишь бы поскорее скрыться с глаз солдата. Но Алексей шел правильно, именно за этой дверью начиналась лестница, ведущая в гараж.
Девушка догнала Алексея. Кивком головы показала на широко раскрытые ворота, за которыми виднелась улица. Алексей снял халат, колпак и, сложив их поверх бананов, сказал по-русски: «Спасибо!»
Девушка затолкнула ящик под лестницу, улыбнулась и ушла. Алексей огляделся. Десятки автомобилей стояли рядами под низким бетонным потолком. Пробираясь между машинами, он направлялся к воротам и уже радовался свободе, которую снова обрел. Прежде чем выйти, глянул на улицу. Там стоял солдат. Опять горькое чувство одиночества охватило Алексея. Он прижался спиной к стене, не зная, куда идти.
В этот момент к лестнице, которая вела в холл отеля, подкатил «форд». Молодой человек вылез из машины и, не заглушив мотора, побежал в отель. Алексей вдруг ясно вспомнил, как в каком-то иностранном фильме преступник удрал от полиции в багажнике автомобиля. Не раздумывая, он решительно подошел к автомобилю, нажал кнопку багажника, огромная крышка поднялась. Алексей быстро залез в багажник и захлопнул крышку. «А вдруг у него чемоданы?» — подумал Алексей. От этой мысли он почувствовал, как лоб покрывается испариной. Каждая секунда теперь казалась вечностью.

Продолжение следует.

В защиту ничьих...

Марк ТАЙМАНОВ, международный гроссмейстер, шахматный обозреватель «Огонька»

Спортивные сюжеты всегда прихотливы — в непредсказуемости хода событий их привлекательность. И каждый неожиданный поворот интересен по-своему. Тому подтверждение — загадочное затишье, наступившее у Карпова с Каспаровым.

Пожалуй, никого бы не удивило, если бы их матч начался так, как он проходит последние три недели,— размеренно, выдержанно, осмотрительно — спокойно. Это соответствует высокому рангу поединка и сложившимся традициям. Как мудро сказал поэт: «Служенье муз не терпит суеты; прекрасное должно быть величаво...»

Но после необычайно бурного старта, после темпераментных, а порой и азартных схваток, настроивших поклонников шахматного искусства на остросюжетный лад, затянувшееся межбурье вызывает сейчас много недоуменных вопросов. Чем объяснить такой резкий перелом в творческом тонусе поединка? Почему соперники стали столь миролюбивы? Долго ли протянется их ничейная серия?

Действительно, девять ничьих подряд (это к моменту, когда пишутся эти строки)— явление необычное для матчей на первенство мира, и такой своеобразный рекорд в истории шахмат вполне может быть занесен в знаменитую книгу Гинеса. Но дело даже не в количестве мирных исходов. Как известно, ничья ничьей рознь, и сам по себе половинчатый результат не может вызвать разочарования. Вспомним жаркие схватки, завершившиеся миром в 11-й, 13-й, 15-й и 16-й встречах. Такие содержательные ничьи только украшают матч, и не о них речь.

Сетования любителей шахмат вызывают лишь те поединки, где ресурсы борьбы оказались не выявлены полностью, где сражение прерывалось, едва успев разгореться. А такие тоже были в контексте грандиозной шахматной битвы. К примеру, в последних пяти четных партиях сумма всех ходов, сделанных партнерами, была немногим больше, чем в одной только пятнадцатой, а это партии, где белыми играл Каспаров...

И все же раздающиеся в эти дни упреки болельщиков-максималистов не вполне справедливы. И здесь нужны разъяснения.

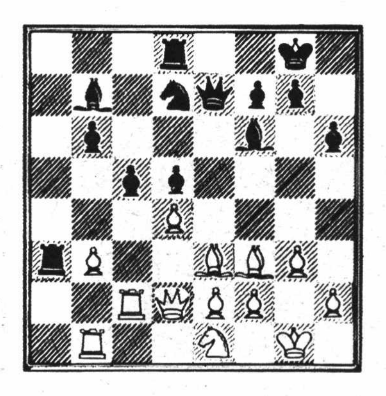
Прежде всего матч на первенство мира — это не только творческий диспут на самом высоком уровне, где партнеры создают совершенные шахматные произведения и прокладывают новые пути в шахматном искусстве. Их поединок посвящен в равной степени и чисто спортивным целям — борьбе за звание чемпиона мира. А спортивное соперничество диктует свои законы, и неизбежно, что порой они сковывают творческие устремления соперников. Счет 4:0 в матче, длящемся до шести побед, определяет кризисную ситуацию и налагает особые обязательства на каждого из партнеров.

Разумеется, лидеру легче. От него требуется лишь осмотрительность, объективность и целеустремленность, а этих качеств, как известно, Карпову не занимать. В каждой партии, где чемпион мира играет белыми и наделен, таким образом, особыми полномочиями, он демонстрирует и настойчивость, и боевой дух. Черными Карпов ставит перед собой более скромные задачи и без труда с ними справляется. Во всяком случае, его лидерская поступь по-прежнему мощна и уверенна.

Положение же Каспарова много труднее, и здесь кроются и психологические и спортивные мотивы нынешней, несвойственной его темпераменту творческой сдержанности. Как строить свою матчевую тактику претенденту, испытавшему горькие разочарования уже в самом начале состязания? Как играть гроссмейстеру, бросившемуся в огонь сражения со всем пылом молодости и азартом оптимизма и сразу же получившему со стороны чемпиона мира урок мудрости и хладнокровия?

Не зная до сих пор неудач, двигаясь к заветной цели путем ярких успехов, Каспаров оказался особенно восприимчив к постигшим его ударам. Здесь мог бы подкоситься и более зрелый боец. В таком состоянии, которое боксеры называют «грогги», один только лекарь — время. И Каспаров стремится его выгадать. В безлимитном матче это можно сделать, прибегая к ничьим. Желательно коротким, таким, чтобы не отнимали сил. Белыми их при современном уровне гроссмейстерской техники и теоретических познаний достичь не очень трудно. В десятой партии Каспарову на это потребовалось 15 ходов, в двенадцатой — 21, в четырнадцатой — 16, в восемнадцатой — 22... И хотя в фармацевтическом списке патентованных транквилизаторов ничьи не значатся, для шахматиста они, как показывает опыт, служат самым надежным успокаивающим средством. Так что короткие ничьи — естественная реакция самозащиты. А потому смиримся с их неизбежностью.

В любом большом сражении нужны передышки, и своеобразные «ничейные» тайм-ауты — это лишь тактический прием, предваряющий новые увлекательные события. А о том, что ничьи могут быть и содержательными и даже драматичными, расскажут два эпизода матчевых баталий.

Даже поверхностного взгляда на эту диаграмму достаточно, чтобы оценить бескомпромиссность происходящего в 15-й партии сражения. Карпов сконцентрировал свои силы для атаки «висячих» черных пешек в центре, Каспаров активно расположил фигуры для возможной контригры на ферзевом фланге. Наступает решающий момент борьбы.

Но сначала о предшествовавших ему необычных событиях.

Случилось так, что в этой партии к 12-му ходу на доске возникла буквально та же самая позиция, что и накануне в 14-й встрече, правда, с той существенной разницей, что партнеры словно поменялись местами. За белых на этот раз играл Карпов, за черных — Каспаров. Получилось, что чемпион мира повторял ходы претендента, а тот, в свою очередь, следовал замыслам чемпиона... Поскольку это не могло длиться до конца, оставалось предположить, что каждый имел критический взгляд на трактовку возникшей позиции соперником и подготовил новые идеи. Так потом и случилось.

А журналисты тем временем смаковали этот эпизод, расцвечивая его шутками. Припоминали, кстати, как однажды на турнире в Ленинграде один из шахматистов, находясь в жестоком цейтноте, вдруг потерял контроль над происходящими на доске событиями и в отчаянии громко воскликнул: «Судья! Какими я играю?!»

Но шутили в пресс-центре, а у Карпова с Каспаровым в тот день, как видно из диаграммы, происходила захватывающая творческая дуэль.

Переходя от осады к конкретным операциям, чемпион мира здесь сыграл:

23. dc и на естественное **23... К:c5 — 24. Фb4!**

Этим сильным ходом он не только создал двойной удар на a3 и b6, но и обошел коварную ловушку, которую заготовил претендент. Дело в том, что заманчиво выглядело 24. С:c5 bc 25. Kd3 с выигрышем пешки c5 (например, после 25. ...Лc8 26. Фc1). Однако в этом случае последовало бы 25.... Cg5! 26. Фe1 (или 26. Фd1 c4! 27. bc dc! 28. Л:b7 Фe6 и черные отыгрывают фигуру с отличной игрой) 26.... c4! 27. bc dc 28. Л:b7 cd!! 29. Л:e7 dc, и белым плохо. Красивый вариант! Но комбинационная буря только начинается:

25... Л:b3!

Лучший шанс. Иначе черные потеряли бы минимум пешку без всякой контригры.

25. С:d4!

Око за око! Чемпион мира не соблазняется выигрышем качества, поскольку в случае 25. Ф:a3 de инициатива черных стóила материальных потерь, а сам предлагает жертвы:

25... Л:b3!

И претендент на высоте возникших проблем. Если бы он сыграл 25.... С:d4, могло последовать 26. Ф:a3, после чего продолжение 26... С:f2+27. Кр:f2 Ke4+ (или 27.... С:f3 28. Кр:f3!) 28. С:e4 Ф:a3 29. С:b7 явно к выгоде белых. События развивались:

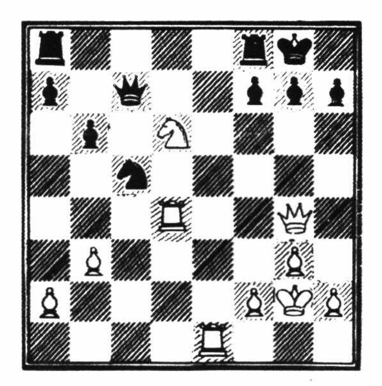
26. Л:b3 Л:d4 27. Ф:b6 К:b3 28. Лc7! Лd7 29. Л:b7 Л:b7 30. Ф:b7 Kd4

Лучше было разменять ферзей сразу, поскольку теперь чемпион мира мог с выгодой сыграть 31. Фc8+ Крh7 32. Фc4, но в обоюдном цейтноте оба прошли мимо этой возможности.

31. Крf1 Ф:b7 32. С:b7 Kf5

и в результате остроумной тактической перепалки Карпову удалось выиграть пешку. Правда, как показало дальнейшее течение борьбы (а она длилась еще более 60 ходов!), этого материального преимущества было недостаточно для победы, но весь этот эпизод прекрасно иллюстрирует богатство реализованных идей даже в ничейных поединках.

И еще один запоминающийся фрагмент периода затишья.

Эта позиция возникла в 16-й партии после 22-го хода белых. Очевидно, что расстановка сил несколько активнее у белых, но положение черных достаточно прочно, что лучше всего подчеркивалось маневром 22.... Лаd8.

Однако естественный ход борьбы был нарушен неожиданной погрешностью чемпиона мира...

22... Ке6?!

Едва дотронувшись до своего коня, Карпов понял, что совершает непоправимую ошибку, но было уже поздно.

23. Л:е6!

В этом все дело! Жертвуя качество, белые обрушивают на позицию короля всю мощь своих фигур. Такие возможности в матчах на первенство мира выпадают не часто.

23...h5

Конечно, и в случае 23.... fe 24. Ф:е6+ Крh8 25. Лс4! (может быть, именно этот маневр ускользнул от внимания чемпиона мира?) 25.... Фd8 (или 25.... Лf6 26. Ф:f6! Ф:с4 27. Фf3!) 26. Кf7+ Л:f7 27. Ф:f7 дела черных незавидны.

24. Фе4 fe 25. Ф:е6+ Крh7 26. Лd5

Волнение Каспарова можно понять. От долгожданной победы его по всем признакам отделяли буквально считанные ходы. Да и выбор заманчивых возможностей был широк. Но в этом и таилась опасность... Сделанный им ход, во всяком случае, значительно затрудняет задачу.

Между тем продолжения 26. Лс4! Фd8 27. Фе4+ g6 28. Фb7+ Крg8 29. Лс7! или даже 26. Ке4 Крh8 27. Лd7 Фс1 28. Фd5 Фh6 29. Кg5 открывали перед белыми могучие атакующие перспективы. Теперь же худшее для Карпова позади.

26....g6!? 27. Ке4 Лаd8 28. Кg5+ Крg7 29. Фе4

Редкий момент. Коню белых освобождено поле, откуда он сможет напасть одновременно на все 4 фигуры черных!

29....Лfе8 30. Фd4+?

Необъяснимая ошибка! Весь зрительный зал видел, что путем естественного 30. Ке6+ Л:е6 31. Фd4+! (конечно, не 31. Ф:е6? ввиду 31....Фb7) Каспаров мог добиться материального перевеса и шансов на выигрыш. Правда, потом уже в анализе было найдено, что посредством 31...Ле5! 32. Ф:е5+ Ф:е5 33. Л:е5 Крf6 черные сохраняли надежды на спасение, но это было бы логичным завершением событий после первого упущения претендента на 26-м ходу. Теперь же картина сражения резко меняется.

30....Крg8 31. Л:d8

Приходится... Не годилось 31. Ке6 ввиду 31....Фb7! 32. К:d8 Л:d8.

31....Л:d8 32. Фf6 Лd6 33. Фf4 Фс6+ 34. Крh3 Фd7+

Неожиданно инициатива перешла в руки черных, но их материальный перевес невелик для того, чтобы рассчитывать на успех при необеспеченном положении собственного короля. А потому чемпион мира принимает решение закончить эту многострадальную схватку миром.

35. Кg2 Фс6+ 36. Крh3 Фd7+ 37. Крg2 Ничья.

Вот сколько событий порой скрывается за скромной половинкой в таблице матча...

Так что не сетуйте на ничьи.

ЗВОНОК ИЗ СЕНЕГАЛА

АНАТОЛИЙ ГАНТВАРГ — ТРЕХКРАТНЫЙ ЧЕМПИОН МИРА ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ШАШКАМ

В прошлом номере «Огонька» президент Всемирной федерации шашек (ФМЖД) Вадим Михайлович Байрамов в своем интервью пообещал позвонить из Сенегала, где проходит чемпионат мира по международным шашкам, и сообщить о его результатах. И вот звонок. На проводе — Дакар.

— Вадим Михайлович, как закончился чемпионат?

— Чемпионом мира стал советский спортсмен Анатолий Гантварг. Надо отметить, что он это звание завоевывает третий раз. В девятнадцати турах Анатолий Гантварг одержал девять побед и девять встреч свел вничью. На очко отстал сильный голландский спортсмен Роб Клерк. На третье место вышел двукратный чемпион Советского Союза Михаил Кореневский. Эти три спортсмена получили право участвовать в чемпионате мира 1986 года. Четвертое и пятое места поделили между собой Александр Балякин и Вадим Вирный.

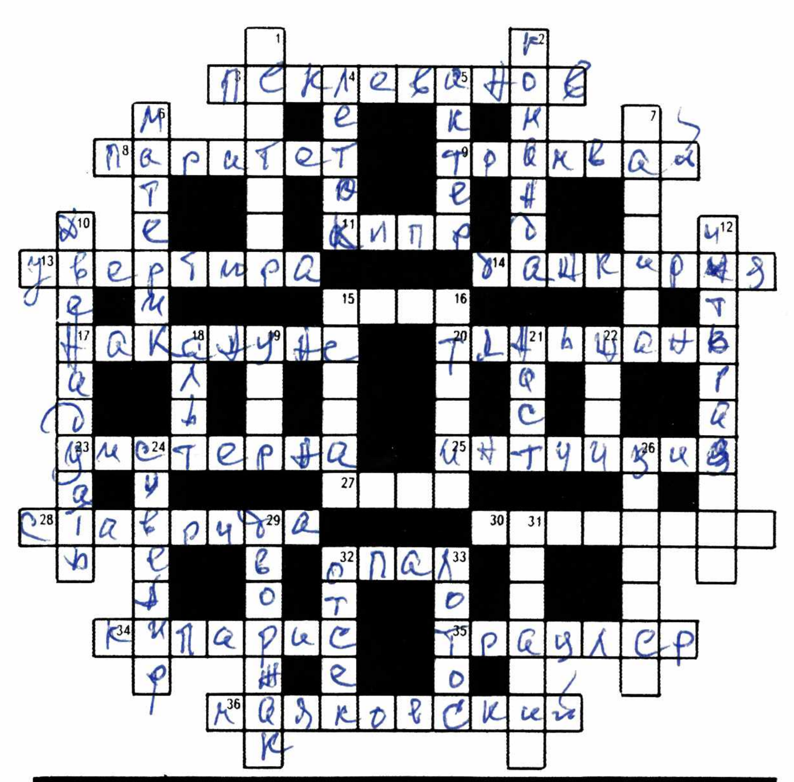
— Как проходила борьба?

— Были очень драматичные моменты. Например, единственный проигрыш Анатолия Гантварга сильному спортсмену из Мали Мамино Н'Диайне, когда у советского спортсмена были все основания надеяться на победу. Этот сбой вселил надежды в тех спортсменов, которые отставали от Анатолия Гантварга на очко-полтора. Борьба разгорелась с новой силой. Но Анатолий сумел сохранить лидерство до конца.

— Что нового было на Генеральной ассамблее ФМЖД, которая, как мы знаем, проходила одновременно с чемпионатом?

— Утверждены решения руководящего комитета, приняты новые члены ФМЖД — Мавритания, Гамбия, Народная Республика Конго, Коста-Рика и Португалия. Решено в будущем году провести первую Всемирную шашечную Олимпиаду в честь столетнего юбилея первого чемпионата мира по шашкам, предполагается разыграть также Кубок мира.

— Спасибо, Вадим Михайлович! До встречи в Москве.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Действующее лицо пьесы В. В. Иванова «Бронепоезд 14-69». 8. Принцип равного представительства сторон. 9. Городской транспорт. 11. Остров в Средиземном море. 13. Оркестровое вступление к опере, балету. 14. Автономная республика в РСФСР. 15. Крупный лесной массив. 17. Роман И. С. Тургенева. 20. Горная система в Азии. 23. Емкость для хранения и перевозки жидкостей. 25. Чутье, тонкое понимание, проницательность. 27. Живопись на бытовые сюжеты. 28. Промысловая морская рыба. 30. Балет Л. Ф. Минкуса. 32. Минерал, драгоценный камень. 34. Южное вечнозеленое хвойное дерево. 35. Рыболовное судно. 36. Выдающийся советский поэт.

По вертикали: 1. Южное созвездие. 2. Спортивный коллектив. 4. Отверстие в улье. 5. Исполнитель роли в театре, кинофильме. 6. Континент. 7. Река в Новосибирской области. 10. Поэма А. Блока. 12. Революционный гимн пролетариата. 15. Жанр в живописи. 16. Порт в Марокко. 18. Низкий женский или детский голос. 19. Приток Алдана. 21. Ледяная корка на снежной поверхности. 22. Город в Чехословакии. 24. Памятная вещь. 26. Ученый, создатель Музея изящных искусств в Москве. 29. Чешский композитор и дирижер. 31. Площадка для воздушных ванн. 32. Изолированное помещение на корабле. 33. Южное водяное растение, цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 5. Фотосинтез. 8. Проспект. 9. Драже. 10. Рерих. 13. Борозда. 14. Носорог. 15. Ковтюх. 17. Бистрица. 19. Амундсен. 21. «Приданое». 23. Ударение. 25. Вопрос. 28. Почтамт. 30. Водород. 31. Кроки. 32. Линза. 33. Сложение. 34. Капабланка.

По вертикали: 1. Торпеда. 2. «Бородино». 3. Интервью. 4. Нейтрон. 6. Драйзер. 7. Керосин. 11. Поликарпов. 12. Кожевников. 15. Караев. 16. Хариус. 18. «Труд». 20. Доре. 22. Аланколь. 24. Руденко. 26. Онекотан. 27. Оффенбах. 29. Тристан. 30. Вилейка.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Уложено «золотое» звено магистрали века. На 877-м километре трассы, у разъезда Балбухта, сошлись путеукладчики двух славных бригад — Александра Бондаря и Ивана Варшавского. (См. в номере материал «Наша дорога».)

Фото Г. Копосова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Москва. Кремль.

Фото Дм. Бальтерманца

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 251-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 15.10.84. Подписано к печати 31.10.84. А 00443. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 671 000 экз. Изд. № 2679. Заказ № 3568.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Миролюбивый» Уолл-спрут —
Ракеты ставит там и тут...

Рисунок М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663